

МАЛЫЙ СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК

**ИВАН
ПУЗАНОВ**

ТАЛИПОТ

ММССУ

МАЛЫЙ СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК

Иван Пузанов
ТАЛИПОТ

МАЛЫЙ СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК

ИВАН ПУЗАНОВ

ТАЛИПОТ

Стихотворения

Водолей
Москва – 2011

ББК 84(2Рос=Рус)6
УДК 882
П88

Редакционная коллегия серии:

Р. Бёрд (США),
Н. А. Богомолов (Россия),
И. Е. Будницкий (Россия),
Е. В. Витковский (Россия, *председатель*),
С. Гардзонио (Италия),
Г. Г. Глинка (США),
Т. М. Горяева (Россия),
А. Гришин (США),
В. В. Емельянов (Россия),
О. А. Лекманов (Россия),
В. П. Нечаев (Россия),
В. А. Резвый (Россия),
Р. Д. Тименчик (Израиль),
Л. М. Турчинский (Россия),
А. Б. Устинов (США),
Л. С. Флейшман (США)

Составление и послесловие
Е. Витковского

ISBN 978-5-91763-069-4

© И. Пузанов, наследники, 2011
© Е. Витковский, составление, послесловие, 2011
© Издательство «Водолей», 2011

ТАЛИПОТ

*Краса всех пальм цейлонских – талипот.
Ее листов горда, роскошна крона;
Могучий ствол – как стройная колонна,
Что видит первая зари восход.*

*Прожив полвека, пальма та цветет;
На пышный цвет все смотрят восхищенно:
Султан цветов, что дышат благовонно,
Ввысь устремлен, в лазурный небосвод.*

*Но пальма разом гибнет, отцветая;
Могуча жизнь ее, короток век –
Завидно хороша судьба такая!*

*Бери пример с той пальмы, человек:
Умри в расцвете мужественной силы,
Не дли, не дли век старческий унылый.*

1.XI.1943

Горький

КРЫМ

ВЕНОК СОНЕТОВ

1

Равнина, необъятная для взгляда...
Полынь, бурьян, желтеющий кострец,
Бесплодность, серость из конца в конец,
На Сиваше – галдящих птиц громада.

Застыл Сиваш в стеклянном пекле ада,
Полынь благоухает и чабрец,
Потрескался от зноя солонец.
Где ты, украинских лугов отрада?

Сверкает розовая соль, как снег,
Стогами сложена на топкий брег,
Коней косяк пасется в суходоле –

Невзрачен вид их, но как ветер шаг,
Как дикий скиф, несусь верхом по полю, –
Степных просторов беспределен взмах.

2

Степных просторов беспределен взмах,
Струится даль в волнах фата-морганы,
Устало веют ковыля султаны,
Невесть куда бежит широкий шлях.

Томятся пустельги на проводах,
Большой орел срывается с кургана,
Кузнечики стрекочут неустанно,
Пылает степь, как пламенный очаг.

Покинул овражек свой пост дозорный,
И журавлей замолкнули валторны...
Навис над степью едкий серый прах,

Туманя даль, степные травы края,
И замерли под ним, томясь от зноя,
Ковыль, чабрец, полынь на солонцах.

3

Ковыль, чабрец, полынь на солонцах,
Столбы бегут томительно-тоскливо...
Но вот – ставок. Над ним склонились ивы,
Грачи о чем-то спорят в их ветвях.

Тучнее почва. Бесконечный шлях
Идет сплошной волнующейся нивой,
В лазури жаворонков переливы
Трепещут на серебряных крылах.

Салгира бег маячит тополями,
Стон песни ветер носит над полями,
Громадит на полях крестьянский люд.

Тяжел их труд – заслужена награда.
Пасется на околице верблюдов,
Вдали овец разбросанное стадо.

4

Вдали овец разбросанное стадо
Лениво щиплет высохший типчак.
Расставив крылья, сторожит ветряк
Полдневный отдых мирного посада.

Заманчива привала здесь улада:
Шлет ароматный синий дым кизяк,
Гостеприимно-простоват степняк,
Лицом скуласт, приземистого склада.

Кто родом он? Бог знает!.. Для хозар,
Славян, монголов, скифов и татар
Был Перекоп – ничтожная преграда:

За век свой долгий всех видала степь...
Кричит петух. Скрипит колодца цепь
За кущами раскидистого сада.

5

За кущами раскидистого сада,
Когда спадет немного полдня жар,
Плетется по степи обоз мажар
Под города базарные аркады.

Гудит разноязычная громада
Эстонцев, немцев, русских и татар.
Обилен и велик кипит базар –
В нем слышен гул далекого Царьграда.

И, верно, помнит ветхий минарет
Далекий сон Гиреевых побед,
Могущество и плен Бахчисарая.

Но власть царей и ханов пала в прах...
Вдали, на перевалах утопая,
Туманов слой ложится на горах...

6

Туманов слой ложится на горах,
Полны предгорья сладостного мира.
На берегах веселого Салгира
Богатый зреет урожай в садах.

Алеет маками крутой овраг,
Стрижи мелькают в синеве эфира,
В обрывах скал их гнезд чернеют дыры,
Пустынно в белых меловых скалах.

Отвесы их иссечены, как соты:
Здесь в старину, как птицы, жили готы,
Когда орда свой утверждала стяг,

Ища приюта от набегов бранных.
Над цепью гор, сиренево-туманных,
Вершину взнес владыка-Чатырдаг.

7

Вершину взнес владыка-Чатырдаг:
Отвесны скал обрывы и фронтоны,
Утесов громоздятся бастионы,
Чтоб осыпями развалиться в прах.

Окрестных гор велик и смел размах:
Их толщу перерезали каньоны,
Глухие пропасти темны, бездонны,
Подожвы тонут в вековых лесах.

Гудит в лесу высоких сосен хвоя...
От слепней въедливых ища покоя,
В глубокий яр скрывается олень,

В орешнике косуль пасется стадо, –
Люба им чащи благостная сень,
В ущельях мрак лесов и вод прохлада.

8

В ущельях мрак лесов и вод прохлада,
И дышит сыростью грибная прель.
Покрыла скалы мхов зеленых цвель,
Напоенная брызгами каскада.

Как храм Природы – буков колоннада...
Смолкает Пана сладкая свирель:
И пеночки рассыпчатая трель,
И зяблика нехитрая рулада.

Как тихо! Вот вдали сломался сук,
В ветвях чуть слышен робкий дятла стук,
Таинственен в вершинах ветра рокот...

Прогалина светлеет под скалой,
В поднебесьи гортанный слышен клетот, –
Орлы парят над выжженной Яйлой.

9

Орлы парят над выжженной Яйлой;
Хаосом каменным поверглись скалы,
Безжизненны известняков оскалы,
Слепит глаза хрустально-резкий зной.

Прохладен ветер, горный и степной,
Горбами желтыми бегут увалы,
Как кратеры луны, лежат провалы,
Поросшие потоптанной травой.

Там, под скалой, синее дым кошары,
По склонам выжженным – овец отары, –
Их стережет овчарок чуткий вой.

Чабан уснул в безделии ленивом.
Зияет пропасть за крутым обрывом,
Внизу аул мостится под скалой.

10

Внизу аул мостится под скалой:
Как ласточкины гнезда под застрехой,
Лепятся сакли. Под шатром ореха
Семья сидит за жирной каурмой.

К студеному фонтану за водой
Собрались девы. Слышны всплески смеха...
Кувшины медные набрав без спеха,
Колесит стан, бредут они домой.

Татарки юной профиль гонуэзский,
Турецкие в ушах ее подвески
Так много говорят о старине,

О гибели культур, племен раздоре...
Внизу все дремлет в знойной тишине,
В парадном кипарисовом уборе.

11

В парадном кипарисовом уборе
Дворцов и вилл внизу белеет ряд.
По склонам наливаются мускат,
И приторный инжир созреет вскорее.

Сияет солнце в пламенном просторе,
Стоит в ушах немолчный треск цикад,
Льет можжевельник терпкий аромат,
Смолистым ветром жарко пышет взгорье.

Над сосняками светлыми навис
Обрывистый крутой Яйлы карниз.
Легко дышать под небом вечно-чистым!

Под ним недуги тают, точно дым.
В уборе парков празднично-тенистом
Сбегает Южный Брег, Яйлой храним.

12

Сбегает Южный Брег, Яйлой храним...
С Яйлинских скал сорвавшиеся грифы
Задумчиво чертят иероглифы
И исчезают в синеве над ним...

Но призрак прошлого – неизгладим;
Всплывают древности седые мифы...
Из тяжких плит не здесь ли клали скифы
Ряды гробниц воителям своим?

Здесь Ифигения жила у Тавров,
Здесь жертвы кровь лилась под сенью лавров,
Здесь дух Эллады издревле витал.

И жив поднесь в покрытой мхом амфоре.
Тавриды здесь предел. За гранью скал
Щитом Ахилловым восстало море.

13

Щитом Ахилловым восстало море, –
Серебряной броней блестит волна,
Сапфиром отливает глубина,
Прибой шумит у скал в слепом напоре.

Но стойки скалы в вековечном споре:
В закрытой бухте – мир и тишина.
Вода прозрачна, как стекло. У дна
Креветок стая скачет в филлофоре.

На пляже знойным солнцем осиян
Горс женщины нагой. Целебно прян
Намытых водорослей запах иодный.

Ряд облаков в эфире недвижим.
Шлет легкий бриз простор великий водный,
Объемля осиянный солнцем Крым.

14

Объемля осиянный солнцем Крым,
Великий Понт катит куда-то волны,
Вздымает ветер их, сырой и солный,
И вдаль несется, прям, неотвратим.

Но белой чайки лёт неутомим,
Белеет парус шхуны, ветра полный;
Вдали рыбацкие застыли челны
И пароход пускает черный дым.

Мелькает меж валов плавник дельфиний.
Огромен щит воды, глубоко-синий.
Когда-то, покоривши Геллеспонт,

По нем плыла Язонова армада,
И все катил валы великий Понт –
Равнина, необъятная для взгляда.

15

Равнина, необъятная для взгляда,
Степных просторов беспределен взмах.
Ковыль, чабрец, полынь на солонцах,
Вдали – овец рассыпанное стадо.

За кущами раскидистого сада
Туманов слой ложится на горах,
Вершину взнес владыка-Чатырдаг,
В ущельях мрак лесов и вод прохлада.

Орлы парят над выжженной Яйлой,
Внизу – аул мостится под скалой;
В парадном кипарисовом уборе

Сбегает Южный Брег, Яйлой храним;
Щитом Ахилловым восстало море,
Объемля осиянный солнцем Крым...

17.I.1932

Симферополь

ВСЕЛЕННАЯ

ВЕНОК СОВЕТОВ

1

О Солнце, Светоч! огонь неугасимый!
Хранит в себе твой светозарный шар,
Где сжат предельно раскаленный пар,
Энергии запас неистощимый!

Бушуя на тебе неудержимо,
Протуберанцев яростный пожар
Шлет электроны всем планетам в дар,
И фотосфера блещет нестерпимо.

Когда-то, Феб, ты, полный юных сил,
Дочерние планеты породил,
Как Зевс Палладу... Или неужели

Ты подобрал в пути их, светлый Гелий?
Кто может дать на это нам ответ –
Меркурий ли, твой крохотный сосед?

2

Меркурий, солнца крохотный сосед,
Свою орбиту зорко пробегая
И к Солнцу бок один лишь обращая,
Его сияньем страшным перегрет...

Вкруг горна жаркого он чертит след,
Но стынет сторона его другая.
Исчез покров его, в пространстве тая,
На нем воды и воздуха уж нет,

Для жизни он – навеки мир проклятый.
Гонец Олимпа, бог плутни – Гермес
Все так же юрок в вышине небес,

Порой неуловим в лучах заката.
Для нас, людей, милее всех планет
Венера, льющая волшебный свет.

3

Венера, льющая волшебный свет,
Сияньем Феба близкого залита,
Покровом облачным всегда повита:
Вот почему светлей – планеты нет!

Ее красу пусть воспевает поэт,
Хоть нагота ее от глаз сокрыта.
О, жизнь планеты дивной не изжита!
Она – ровесник наш и наш сосед;

Она – прекрасная Любви богиня,
На небо удалившаяся ныне,
Чтобы пленять игрой чудесных фаз

Вас утром рано иль в вечерний час.
За ней, звездой желанной и любимой,
Земля – мир населенный и родимый.

4

Земля, мир населенный и родимый,
Где обрели свою мы колыбель,
Где Океан разлил свою купель
Лазурной пеленой необозримой!

Пески нагих пустынь; непроходимый
Покров лесов, где птиц звенит свирель;
Снега вершин и полюсов. Ужель
Прекраснее есть мир вообразимый?

Но в мире том – увы! – есть смерть и грех,
Страданье и война всех против всех.
Плачь, Гея-мать, в тоске неутолимой!

Плачь, гордый царь земли!... Но легче нам,
Когда в ночи плывет по небесам
Луна, попутчик наш неотделимый.

5

Луна, попутчик наш неотделимый,
Единая в извечной смене фаз,
Покорно ты сопровождаешь нас,
Лия с небес свой свет неизъяснимый...

Безрадостен твой лик невыразимый,
Когда в трубу узрит его наш глаз:
Моря, чье дно открыто напоказ,
И кратеров узор неистребимый...

Воздушный ты утратила покров:
Твой зноен день и хлад ночной суров.
И все ж ты в небесах для нас желанна –

Селена, непорочная Диана,
Когда в лучах твоих свой гасит свет
Багровый Марс, предвестник всяких бед.

6

Багровый Марс, бог войн, предвестник бед,
От битв земли на небо вознесенный!
Пустынями сухими отраженный,
Кровав его доныне тусклый свет.

Лучами солнца скудными согрет,
Быть может, все же – мир он заселенный?
Каналов сетью лик изборожденный
Есть знак труда – иль то ученых бред?

Та сеть – не Марсианами ль прорыта,
Чтобы остатки сохранить воды,
Когда полярные растают льды?

Велик пробел за Марсовой орбитой:
Рассыпался в веках его сосед
В рой малых астероидов – планет.

7

Кольцо несчетных карликов – планет,
Рассыпанных за Марсовой орбитой, –
Остатки ли планеты то разбитой,
Чей путь в веках соседом был задет?

Числа пигмеям тем небесным нет!
Амур, Гидальго, Веста с юркой свитой,
Адонис – не крупней метеорита,
Эрот, Астрея, шустрый Ганимед,

Кувыркаясь, летят, неуловимы,
Среди соседних царственных светил...
Блюдут свой интервал ненарушимо

«Троянцы» верные: Патрокл, Ахилл;
Их интервалы мощно закрепил
Юпитер – царь, отрядом лун хранимый.

8

Юпитер – царь, отрядом лун хранимый,
Закутал плотно ледяной свой стан,
Как в епанчу, в болотный газ – метан
И в аммиак, зловонный нестерпимо.

Скрывает лик его недостижимо
Слоистых туч клубящийся туман.
Его пятна кровавый ураган
С лица его почти исчез незримо.

Блестит он в небе, сквозь разрывы туч,
Как на Олимпе, светел и могуч...
Юпитера чертог покинув льдистый,

Мы понесемся вдаль стезей лучистой,
Пока предстанет взору наконец –
Сатурн в венце блистательных колец.

9

Сатурн в венце блистательных колец
Сверкает опрокинутою урной.
Как чужд нам мир свинцового Сатурна!
Бог времени украсил свой дворец,

Дугой чрез небо бросив свой венец:
Метана облака клубятся бурно;
Осколки древних лун толклись сумбурно,
Но в два кольца сгрудились наконец.

Теперь они уж там засели прочно;
Девятка лун сияет в час полночный.
В броню закован аммиачных льдов,

Сатурна лик безрадостно-суров.
Еще суровей, далеко отринут
Уранов кубарь, набок опрокинут.

10

Уран, как кубарь, набок опрокинут,
Катится медленно по небесам,
Обратным ходом обращаясь сам.
Какой же силой он так странно сдвинут?

Зеленых туч громады там не ринут
Дождей зловонных к теплым полюсам!
Царит могильный холод вечно там,
Моря аммиака недвижно стынут.

Клубится тучами один метан.
Суров бог Неба – Геи брат – Уран!
Он Солнцем был в начале дней отринут.

Жестоко вдаль изгнал его Отец.
Ту ж участь разделил его близнец –
Нептун, чей мяч еще был дальше кинут.

11

Нептунов мяч далеко в небо кинут!
Был светлым Фебом обделен Нептун:
Он получил всего лишь пару лун –
Вдвоем они под черным небом стынут.

И здесь, и здесь потоки вод не хлынут,
Хотя царит здесь бог морей – Нептун:
Моря его застыли, как чугун,
Навек, пока годов миллиарды минут.

Брат Зевсов, потрясатель Посейдон –
Как далеко загнал упряжку он,
Трезубец потрясая свой десницей!

За Посейдоновой далеко колесницей,
Пройдя орбиты из конца в конец,
Блестит Плутон – семьи планет беглец.

12

Плутон, семьи всей Фебовой беглец,
Ушел к пределу солнечной вселенной,
Где мрак царит и холод неизменный,
Куда лучи шлет скупко Феб-отец.

Здесь притяженья Фебова – конец;
Здесь, пред Гигантами – пигмей презренный –
Плутон таился долго, сокровенный,
И все ж был обнаружен наконец.

Здесь, где царит такой же мрак крошечный,
Как там, в стране Аида безутешной,
Коварно возмущая строй орбит

Своих соседей, Адский бог царит.
Лишь изредка ему шлют свет неверный
Кометы, что чертят след эфемерный.

13

Кометы, что чертят след эфемерный,
Растянутые эллипсы меж звезд –
Через небо простирают яркий мост,
Внушая людям ужас суеверный,

Врываясь к нам с поспешностью безмерной,
День ото дня свой удвояя рост...
От Солнца их отброшен длинный хвост
Давленья светового силой верной!

Они вмещают в головы свои
Метеоритов тесные рои
Порой песчинки не крупней мизерной.

Хвосты их – легкий и прозрачный газ,
И чудища, что ужасали нас –
Пылинки лишь в Галактике безмерной...

14

Пылинки лишь в Галактике безмерной
И Солнце, и планет дочерних род.
Жемчужный диск ее в себе несет
Материи циклон неимоверный:

Туманностей, чей брезжит свет неверный,
Горящих звезд алмазный хоровод,
Гигантов, карликов, и средь пустот –
Туманов темных мертвые каверны.

Но Млечный путь – лишь звездное пятно:
Число их ввек не будет сочтено!
По бесконечности непостижимой

Они кружат, как хлопьев снежных рой:
В одном у них мерцает факел твой –
О Солнце, Светоч, Огонь неугасимый!

15

Наш светоч – Солнце, огонь неугасимый,
Меркурий, Солнца крохотный сосед,
Венера, льющая волшебный свет,
Земля, мир населенный и родимый,

Луна, наш сателлит неотделимый,
Багровый Марс, бог войн, предвестник бед,
Кольцо несчетных карликов – планет,
Юпитер – царь, отрядом лун хранимый,

Сатурн в венце блистательных колец,
Уран, как кубарь, набок опрокинут,
Нептун, что в небо далеко закинут,

Плутон, семьи всей Фебовой беглец,
Кометы, что чертят след эфемерный –
Пылинки лишь в Галактике безмерной...

16–18.XII.1951

Одесса

ЗАВЕЩАНИЕ

Изгнанникам Крыма посвящаю

...Доконает голод или злоба,
Но судьбы не изберу иной,
Умирать, так умирать с тобой
И с тобой, как Лазарь, встать из гроба.

М. Волошин

1

Не скифа ль дух во мне ожил,
Чьи кости уж давно истлели
В одной из каменных могил
Кикенеиза или Скели?

2

Так бесконечно мне родна
В час малодушья и обиды
Покинутая мной страна –
Пенорожденная Таврида.

3

Край солнца, моря, скал и сосен,
Край тучных нив и сладких лоз,
Зеленых зим, цветущих весен,
Край воплощенных детских грез...

4

Как жадно слушал я мальчишкой
Рассказы матери про Крым,
К богатствам приобщив своим
Морской гольш с кедровой шишкой.

5

Когда же первый раз ступил
Я на перрон Бахчисарая,
Как несказанно счастлив был
Я, воздух сладостный впивая!

6

А мой восторг, когда сквозь гром
Предсевастопольских тоннелей
Сверкнуло море серебром
В одном из меловых ущелий!

7

Как жадно бросился к нему
Я в Херсонесе, чтоб измерить
Его простор и чтоб проверить
Воды соленость самому!

8

А первый взгляд с Байдар обрыва!
Сейчас я вижу наяву
Запечатленную так живо
Сверкающую синеву.

9

А этот вечер благодатный,
Поездки сказочной конец,
Когда предстал в заре закатной
Ай-Петри зубчатый венец!

10

В Алупку въезд. Поверх базара
Отбросил черный силуэт
На фон закатного пожара
Мечети стройный минарет.

11

Над ним торжественно высоко
Блестяще-юный лунный серп –
Магометанского Востока
Традиционный яркий герб.

12

Под рев Стамбульского органа
Галдеж, татар и турок речь,
И запах кофе, остро-пряный,
И бубликами пышет печь.

13

В чужой ли край в тот вечер летний
Меня ввела судьба моя,
Или через тысячелетья
В край прадедов вернулся я?

14

Блаженно было бесконечно
То лето – первое в Крыму,
Когда носился я беспечно
В хаосе, в парке. Одному

15

Хотелось быть, чтоб пить запоем
Дыханье моря, солнца блеск,
В полуденном чтоб слушать зное
Цикад осатанелых треск.

16

Под сенью Воронцовских пиний
Валяться с книжкой. Обонять
Под аркой розовых глициний
Их аромат, а там опять

17

К морскому берегу спускаться,
На солнце греться и купаться.
Смирняя первый детский страх,
В ладье нестись на парусах

18

И у фелюжного затона
Влюбляться в рыбака Антона,
Пред тем влюбившись в целый мир,
Под вечер пить густой кефир

19

И, возвратившись ночью звездной,
Уснуть и грезить сладкий сон:
Прогулка по морю... Антон...
А за окном – крик сплюшки поздней.

20

Тех дней, тех снов уж не вернуть,
Как младости... О, если это
Счастливое, как в сказке, лето
И отличалось чем-нибудь

21

От светлого блаженства рая,
То тем лишь, что порой, вздыхая,
Я вспоминал, что и оно
Когда-то кончиться должно,

22

Как в мире всё, что начиналось!..
.....
А сколько знойных лет за ним,
А там и осеней, и зим
За треть столетия промчалось!..

23

Как я узнал тебя, мой край, –
Узнал на яйлинских вершинах,
В потоках, рвущих через край,
В твоих торжественных руинах!

24

В степях полынных в летний зной
Узнал, сгорая лютой жаждой,
В сугробах вьюжною зимой
Бродя по пояс не однажды.

25

Узнал в неистовстве штормов,
Ревущих грозно в такелаже,
В гексаметрах пустынных пляжей,
В прибойном грохоте валов.

26

Узнал в беспечном изобилье
Годов, далеких, словно сон,
И в голоде, в крови, насилье
Гражданской распри злых времен.

27

Рука судьбы неотвратима,
Пути ее для нас темны:
Покинул я пределы Крыма,
Как многие его сыны.

28

Изгнанникам иные страны
Работу дали и приют,
Но сердца не залечат раны,
Тоски душевной не уймут.

29

Есть много стран, где изобильней
Поля, где зеленой леса.
Тавриды вечная краса
В сердцах у нас царит всесильно.

30

Ее забыть – кому? Не мне ль?
Но с нею треть я прожил века,
Любил-родил-творил... Вот цель,
Вот путь извечный человека.

31

Здесь я недавно только взял
Высокий жизни перевал.
Могу ль забыть, катясь под гору,
Я жизни действенную пору?

32

Тому покоя в жизни нет,
Чьи крымским ядом страдают вены,
Он жжет в отплату за измену.
Увы! Я преступил завет

33

Отшельника из Коктебеля:
До часа смертного в постели
Неколебим остался он.
Я ж на скитанья осужден.

34

Но, как Еврей старозаветный
Весь век живет мечтой заветной,
Несбыточный лелея сон –
Под старость лет узреть Сион, –

35

Так я мечтаю возвратиться
На склоне дней в далекий Крым,
Вдохнуть отчизны сладкий дым
И в старой сакле поселиться,

36

Остаток дней своих прожить
Под неизменно-ясным небом
И свой костяк, прогретый Фебом,
В дольмене еще раз сложить.

37

А если ранняя кончина
Меня застигнет где-нибудь, –
Хочу недолго лишь вздремнуть
В сырой могиле на чужбине:

38

Пускай в Тавриду отвезут
Мой бедный прах, сухие кости,
И все ж в дольмене погребут,
На циклопическом погосте...

24.VI.1934. Горький

КОКТЕБЕЛЬ

На смерть М. Волошина

Все тот же дико-зубчатый хребет
Замкнул стекло сапфирного залива.
На выжженных холмах – полыней грива,
Пахуч тимьян и ярок солнца свет

Сойди на берег – Дом, где жил Поэт,
Иные дни напоминает живо.
Войди: тебе из ниши молчаливо
Лик белой Таиах пошлет привет.

Все на местах, но – смолкли дифирамбы.
Певец ушел, свободный от оков...
Как жуток стал осиротелый кров,

Как траурны акаций пыльных штамбы!
Ушел певец, но в рокоте валов
Не замолчат торжественные ямбы.

19.X.1932

Симферополь

MARE NOSTRUM

Я – ширь морских зыбей от темных роц Колхиды
До отмелей, куда Дунай стремится струи;
Язона за руном несли валы мои
И Ифигению на берега Тавриды.

Как, византийскую стряхнув с меня эгиду,
Под Константинов град Олег привел ладьи –
Владеет мною Русь, вступив в права свои,
Тесня Османов стан ко граням Пропонтиды.

Приди на берег мой и взор восторга кинь
На гребни волн моих, на горизонта синь.
Нагим ляг на скалу или песок горячий.

Замри, уйдя в себя, весь Солнцем осиян,
И повесть долгую понтийских знойных стран
Расскажет пусть тебе прибоя шум певучий.

5.IX.1950

Пароход «Петр Великий»

СТУДИЯ ИМЕНИ АЙСЕДОРЫ ДУНКАН

Вере Головиной

Хоть классик я, – мои не тешит взоры
Прославленный классический балет:
Изящен балерины пируэт,
И все-ж, не в нем наследье Терпсихоры.

Мусийские божественные хоры
Людьми забыты многие сотни лет,
Но в наш суровый век их Мусагет
Вновь возродил в искусстве Айседоры.

Она ушла... но сонмы верных дев
Ее хранят прекрасные заветы:
В хитоны лишь воздушные одеты

И, смело обувь тесную презрев,
Они скользят, как резвые Дриады,
И в плясках их бессмертен дух Эллады.

8/XII.1940

ПОСЛАНИЕ ВСЕВОЛОДУ РОЖДЕСТВЕНСКОМУ

Нет, не Мицкевич, не Толстой
И не поэтов мелких стая,
Что Крыму стих дарили свой,
Его курорты воспевая.

Нет, не они опасны мне
На конкурсе поэтов Крыма.
То – гости, чуждые стране,
Что мною с малых лет любима.

А чтоб воспеть – ведь надо знать
Свой край проникновенным знаньем,
Его невзгодами страдать,
Насытиться его преданьем.

А главное – любить, любить.
Любить как женщину, до муки,
Ему всечасно верным быть,
Тоскуя и томясь в разлуке.

Тогда лишь прозвучит твой стих,
Лиясь широко, полнозвучно,
И отзвук свой найдет в иных
Сердцах, настроенных созвучно.

Так Макс Киммерию любил –
Его стихов бессмертны чары.
Но к Крыму холоден он был,
Где жили Готы и Татары.

И все же мне соперник – есть.
С ним как-то встретившись случайно,

В его глазах я смог прочесть,
Что близки мы необычайно.
Его стихи давно я знал,
Смакуя их в часы досуга,
И в авторе их признавал
Пускай соперника, но – друга.
Поэт «Поющей» он «Земли»,
Прошел он горы и равнины
И Крым воспел, как не смогли
Воспеть поэты-исполины.
Ведь Крыма он – приемный сын:
Его он знает, любит страстно.
Из всех поэтов он один,
С кем состязаться мне опасно.
Стихи его моим равны –
Пусть нет в них четкости *сонета* –
Но *образов* они полны
И дивной теплотой согреты.
Вам – мой соперник и собрат
По близкому обоим краю –
Послать привет сейчас я рад,
А с ним – стихи пересылаю.
И вы пришлите мне в ответ
Стихи, где Крым вы воспевали,
А также – помните иль нет –
Д'Эредиа, как обещали.

1947

Горький

ЛЕДОСТАВ

Пустынно у забытого причала.
Закончивши последний свой поход,
Идет в затон бродяга-пароход,
И как-то сразу, вдруг зима настала.

Плывут куски разбросанные сала,
Спекаясь в тонкий ненадежный лед.
С ним долго борется упорство вод,
Но вот река задумалась и – стала.

Стучит-работает кузнец-мороз
И, громоздя торосы на торос,
Клепает их солидно и надолго.

Суровость голых ледяных оков
Смягчит, укроет пуховой покров.
Тяжелым сном заснет, застынет Волга.

20.XI.1935

Горький

РАЗЛИВ

Как море необъятное, широко
Весенних вод раскинулся разлив,
Волнами мутными луга залив,
Леса и села отразив далеко.

В лазури тянут журавли высоко,
Кой-где торчат кусты залитых грив,
Вздымает гребни ветерка порыв,
Раздолье вод найти не может стока.

Плывут остатки побежденных льдов.
Багрит плавник отважный рыболов,
Влача его победно на буксире.

Залитые леса певцов полны,
Всё бродит соком сладостным весны,
И с каждым днем разлив полней и шире.

8.V.1936

Горький

ДОДУМАЛИСЬ

ЗВЕЗДНАЯ ФАНТАСМАГОРИЯ

Когда я, после своих занятий по расщеплению атомного ядра, наблюдаю на небе вспыхнувшую «новую» звезду, мне невольно хочется сказать: додумались.

Из слов физика Жюлио Кюри на «Менделеевском чтении» в Москве в 1937 г.

Сияют Млечного Пути туманы
Жемчужным поясом чрез небосвод;
Горят созвездия на черном небе –
Медведицы алмазный седмисвечник,
Ныряющий Дельфин и Геркулес,
К которому с планетами стремится
Через провалы Мироздания Солнце...
Среди созвездий ярких Зодиака,
Между Стрельцом и Бетой Водолея
Горит невыносимо-ярким блеском
Звезда, которая зажглась недавно
В том месте, где сиял голубоватый
Планеты диск, что миллиарды лет
Свершала путь меж Марсом и Венерой
В сопутствии с Луной – подругой верной.
Конечно, имена планет, созвездий
Звучали иначе у Марсиан,
Что собрались в ту ночь большой толпою
Мужчин, и женщин, и гермафродитов
У врат обсерватории огромной,

Чьи купола и стены отражались
В чернильной влаге древнего Канала.
Но – будем говорить земною речью!
Зачем ломать язык в попытках тщетных
Изобразить стрекочущие звуки
И жесты странные в подмогу им,
В которые свои влагали мысли
Глубоко чуждые нам существа
Посредством органов, нам незнакомых?
Довольно с нас: они *разумны* были!
Их мысль текла такими же путями,
Как и у нас; но индуктивный метод
Позволил им раскрыть природы тайны
Гораздо глубже, чем смогли то мы.
Законы числ от «дважды два – четыре»
До исчисленья бесконечно малых
Знакомы были им полнее нас.
Немудрено. Они ведь отказались
Свою систему чисел подчинять
Слепому случаю: считать по пальцам,
Число которых есть игра природы.
Они приняли счет посредством дюжин,
Что делятся так просто и легко
На два, на три, четыре, шесть, двенадцать.
И вот они сошлись толпой огромной,
Встревожены светила появлением,
Чтобы узнать последние известья.
«Директора, директора, – пусть выйдет! –
Толпа бормочет. (Громких звуков нет
На Марсе, где весьма разрежен воздух.) –

Пусть выйдет и расскажет нам скорее,
Что нового открыли звездочеты
Посредством электронных телескопов,
Спектрографов, радиоскопов новых.
И почему вдруг вспыхнула планета,
Судьба которой – мирно остывать
Таким тревожным и слепящим блеском?
Потухнет ли Земля, иль разгорится
Еще ярчей, и есть ли в том опасность
Для Марса и других планет соседних?»
– И вот он вышел на балкон, высокий,
Трехглазый, тонкий. Обхватив перила
Двумя из щупальцев своих, он третьим
Приветствовал толпу широким жестом
И начал так: «Привет, о Марсиане!
Я понимаю ваше беспокойство;
Но, к сожалению, я не могу
Вас успокоить. Факт остался фактом,
Сколь ни неслыхан он, ни необычен
В Системе Солнечной! Земля, планета,
Соперничавшая покойным блеском
С Юпитером огромным, но далеким, –
Планета, что давным-давно остыла
(Хоть и не так давно, как Марс наш древний),
Вновь превратилась в маленькое Солнце,
Что посылает в мир потоки света,
И что похуже – тучи электронов
И разрушителей материи – нейтронов,
Что нам вреда уже чинят немало.
Но *как* та катастрофа разразилась?

Единственно старанием существ,
Что бывшую планету населяли
И, мня себя разумными, стремились
В жестоких схватках истреблять друг друга!
Материи чудовищные силы
Безумцы дерзновенно развязали
И, погубив себя, взорвали Землю.
Вы спросите: но как могло случиться,
Что существа, способные постигнуть
Сокрытые законы вещества,
Столь глупыми, однако, оказались,
Что обратили атомные силы
На разрушение собственной культуры;
И столь неострожными вдобавок,
Что наконец взорвали шар земной?
Я верю вам: для Марсиан разумных
Такой конец – нелепость! Очевидно,
Что на планетах Солнечной Системы
Жизнь развивалась разными путями.
Конечно, каждый вид белка, возникнув
Однажды, где-нибудь, всегда стремится
Ассимилировать белки другие:
Материи живой молодые годы
Отмечены взаимным пожиранием.
Так было и у нас, на Марсе древнем
Миллиарды лет назад; так происходит
И посейчас на Молодой Венере.
Но – кончилась у нас борьба слепая
Всех против всех, как только появились
Разумные на Марсе существа,

Что созидать умеют углеводы,
Белки, жиры из газов атмосферы
И солей минеральных, не нуждаясь
Уже давно в постыдном каннибальстве.
Вы знаете: уж много тысяч лет
Все силы разума мы, Марсиане,
На улучшение жизни обращаем
И на борьбу с враждебной природой.
Ведь если б не работы наших предков,
Покрывших Марс густой каналов сетью,
Что с полюсов скудеющую влагу
Проводят быстро к насаждениям нашим, –
Ужель могла бы сохраниться жизнь
На нашей высыхающей планете?
Совсем не так дела шли на Земле!
Уж много тысяч лет мы наблюдаем
Четвероруких жителей ее,
Что покорили прочих всех животных,
И видим, что они враждуют вечно
Между собой! Совсем еще недавно
Подобно прочим тварям, сродным им,
Они друг друга хищно умерщвляли
Шипами, что растут у них во рту.
В век светлый разума свое вступленье
Они отметили лишь тем, что стали
Себе подобных тварей умерщвлять
При помощи осколков камня острых.
Едва успевши овладеть огнем,
Они палить им начали жилища
И пажити соперников своих,

Их заживо самих подчас сжигая.
Сдается мне: судьбу Земли несчастной
Определил вполне случайный факт,
Что там забрали власть над всей природой
И обладанья разумом достигли
Потомки тварей вздорных и драчливых,
Весьма плодливых, жадных, любопытных.
И вот сыны земли, весьма недавно
На грех себе искусству научившись
Внутримолекулярные процессы
Использовать для производства взрывов,
При помощи их начали метать
Железо на большие расстоянья,
Единственно затем, чтоб умерщвлять
Своих врагов и разрушать дома их.
Успехи в технике их были быстры:
Почти на днях, используя большую
Земной воздушной оболочки плотность,
Они построили себе приборы
На плоскостях и стали пролетать
По воздуху большие расстоянья,
Почти как мы на наших реактивных
Воздушных кораблях давно летаем
В разреженной и тонкой атмосфере
Своей планеты, часто посещая
И спутников ее – Деймос и Фобос.
Но польза, что досель могли извлечь
Земные жители из самолетов,
Ничтожна по сравнению с разрушением,
Что на себя самих же навлекли

Они, бросая с этих самолетов
Снаряды страшные и истребляя
Мильонами соперников своих!
По счастью, жестокие безумцы
Пока еще не научились строить,
Как мы здесь, реактивных звездолетов:
Они об этом лишь едва мечтали –
Но собирались улетать в эфир,
Чтоб, опускаясь здесь, у нас на Марсе
Нас заражать, друзья, своим безумьем».
Тут при словах последних звездочета
В собравшейся толпе поднялся ропот,
Как в улье пчел сердитое жужжанье.
Тот продолжал: «Но что всего страннее, –
Развитие ума, и чувств, и нравов
У жителей Земли не шло вперед
В последние столетия и годы,
А даже будто бы остановилось
Иль обратилось вспять. Ведь звездочетам
Подметить удалось совсем недавно,
Во время страшной, всенародной бойни,
Что охватила, верно, полземли,
Такие злодеянья, что случались,
По описаньям древних звездочетов,
Там лишь в давно истекшие столетья!
Судите сами: чтобы облегчить
Весьма сомнительные неудобства
От несколько густого населения,
Четверорукие хозяева Земли
Избыток жителей живьем сжигали

В печах довольно сложного устройства
И обращали быстро в пар и пепел
Гораздо больше мыслящих существ,
Чем их живет сейчас у нас на Марсе.
Ничтожны также были их успехи
В науках и во всех изобретеньях,
Не связанных с взаимным истребленьем.
Так, жители Земли ведь не сумели
Установить малейшей связи с нами,
Не научились даже различать
Сигналов, что мы им давно давали.
О том, чтобы ловить радиоволны
И расшифровывать подобно нам,
Они еще не смели и помыслить.
Их телескопы были так убоги,
Что незнакома им была поверхность
Планеты, столь к ним близкой, как наш Марс.
Они подняли на смех звездочетов,
Которым как-то удалось взглянуть
На сеть каналов наших и поведать
О том в своих писаньях». Тут в толпе
Собравшихся поднялось стрекотанье,
Которое ты приравнял бы к *смеху*
Веселых обитателей Земли.
Директор продолжал: «Изобретенье
Орудий истребления надвигалось
Чудовищными темпами у них.
Едва лишь заглянув несмелым взглядом
В строенье атома, сыны Земли
Поставили себе ближайшей целью

Использовать сокрытые в нем силы –
Чудовищные силы мироздания –
Для вящего друг друга истребления.
И вот в зверином, страшном напряжении
Недавней бойни, что объяла землю,
Им это удалось – пускай частично.
Соорудив снаряды из урана
Знакомого и вам, о, Марсиане,
Они их с самолетов низвергали
На поселения соперников своих,
Производя атомным расщепленьем
Ужасные, неслыханные взрывы,
Подобные вулканов изверженьям,
Которые, как знаете вы сами,
Еще обычны были на Земле.
При этом погибали сотни тысяч
Разумных, ощущающих созданий.
Но вот что удивительно, друзья:
Такие злодеяния свершали
Как раз те обитатели земные,
Что громче всех вопили лицемерно,
Громя жестокость недругов своих,
Богобоязненно творя молитвы,
Чтоб неизжитого «творца вселенной»
Привлечь участником своих безумств!
И даже те, кто в ослепленьи свалки
Не потеряли разума совсем
И видели, *чем* кончиться все может –
И те, чтоб защитить свои пределы
От нападений вражеских, и те –

В изобретеньи гибельных снарядов
Не отставать старались от других!
Так кончились последние остатки
Спокойной жизни на Земле злосчастной.
Ее жильцы наперебой старались
Сооружать атомные снаряды
Все более ужасные. В их битвах
Было разрушено до основанья,
Наверное, три пятых поселений:
Погибли все создания искусства,
Театры, библиотеки и храмы,
Лаборатории, музеи, школы,
Что создавались за шесть тысяч лет.
Погибло страшною, жестокой смертью
Две трети обитателей Земли,
Испепеленных страшным жаром взрывов,
Лишенных зренья яркостью их вспышек,
Насквозь прошитых тучами нейтронов,
Что миллиардами при этих взрывах
Из атомов разбитых разлетались.
А развороченные взрывом Земли,
Насыщенные страшным излученьем,
Надолго превращались в Царство Смерти,
Где не росла трава, где гибли звери,
И те бойцы, что средь ужасных трупов
Найти пытались родичей погибших:
Пронизанная плоть несчастных этих
Слезала, их скелеты обнажая,
И гибли тысячи в мученьях страшных.
Бойцы, которым все же удавалось

В живых остаться, зарывались в землю,
Чтоб там своим врагам готовить мщенье
И, не довольствуясь уже ураном,
Металлом редкостным, как вам известно,
Учиться также расщеплять другие
Обычные в земной коре металлы.
И вот, к несчастью, некому безумцу
Пришла однажды роковая мысль
Употреблять для атомов распада
Обыкновенное *железо*, – тот металл,
Что уж давно служил четвероруким,
Как лучший материал при производстве
Орудий истребления всевозможных.
Несчастный. Он забыл о тяжелых массах
Руды железной, что, в земной коре
Заложенные, будто притаились.
Забыл он, что ядро самой Земли,
От взоров скрытое в ее глубинах,
Железное!.. И вот, как стали рваться
На обреченной гибели планете
Атомные снаряды, где железо
Не оболочкою, как встарь, служило,
А где оно взрывалось, рассевая
Миллиарды всяческих пронзительных частиц –
При детонации цепной неожиданно
От сна очнулись атомы железа,
Заложенные в глубине планеты,
Проснулись силы, скрытые от века, –
И взорвалась Земля всей тяжелой массой,
В свой взрыв вовлекая спутника-Луну

И став Звездой, что ярко так зияет
Между Стрельцом и Бетой Водолея.
В ужасном жаре взрыва превратились
Мгновенно в раскаленный газ легчайший
Миллиарды жителей Земли разумных
И неразумных тварей разнородных.
Так кончилась зашедшая в тупик
История ближайшей к нам планеты...
Какие ж выводы, о Марсиане,
Извлечь сумеют жители планет,
Соседних нашей Солнечной Системы,
Из происшедшей страшной катастрофы?
Увы! Живые существа Венеры
Пока еще весьма несовершенны
И для себя урока не сумеют
Совсем извлечь. А мы, о Марсиане,
Уже настолько мудры и стары,
Что *не нуждаемся* в таких уроках.
Но нашей мирной жизни, Марсиане,
Пришел конец. Как можем мы беспечно
Закатный, тихий век свой доживать
На нашей высыхающей планете,
Имея столь опасного соседа,
Что нас потоками своих нейтронов
И электронов быстрых заливает?
Смотрите там, каким сияньем ярким
Над дальним полюсом они клубятся!
Сейчас, пока мы с вами далеки
От вспыхнувшей Земли, – мала опасность;
Но скоро ведь должно произойти

Земли и Марса противостоянье,
Когда сойдутся близко две планеты...
А ведь железа, как назло, довольно
В глубоких недрах Марса сокровенных.
Его немало есть и в сердцевине
Венеры, что близка к Земле погибшей.
Но если так взорвутся три планеты,
Ближайшие от Солнца, – где порука,
Что не проснется старый тот гигант
И не захочет снова «обновиться»,
Как он проделал в юности своей?
Уразумейте это, Марсиане,
Сберитесь с чувствами, друзья, скорее,
Чтобы, когда придет конец внезапный,
Могли вы в Вечность отойти достойно,
Как мудрецы, покойные душой,
А не как обезумевшие звери,
Что видели конец Земли преступной.
Вы знаете, что в безднах Мироздания
Взрыв ярких звезд – обычное явление,
И если уж неотвратим конец
Всего живущего, погибнуть лучше,
Мгновенно превратившись в газ легчайший,
Чем, медленно влача существование,
Иссохнуть на стареющей планете».
Так кончил звездочет, чтобы сограждан
Утешить в их тревоге. Марсиане
Спокойно и степенно разошлись,
Но, возвратясь домой, они немедля,
Инстинкту жизни все же повинуюсь,

Готовить стали повсеместно газы
(Тяжелый водород в смеси с азотом),
Чтобы, пустив их в атмосферу, этим
Немного задержать поток нейтронов.
Увы. Старанья их напрасны были.

.....
Маститый астроном, жилец планеты,
Что обращается вокруг солнца Альфа
В созвездии Центавра, наконец
Закончил наблюдения над спектром
Звезды «Сверхновой», что совсем недавно
Внезапно вспыхнула в том самом месте,
Где миллиарды лет горела тускло
На небе желтая звезда, несясь
К далекому созвездию Геркулеса.
Она уже умерила свой блеск,
Но вокруг нее наметилась туманность,
Что расползалась, точно Краб, по небу.
Конечно, та туманность поглотила
И крошечные темные шары,
Что вокруг звезды до взрыва обращались.
Их различать давным-давно умели
В свои огромные сверх-телескопы
Астрономы планет системы Альфа...
Клешнею цепкой почесав свой бок,
Пробормотал астроном престарелый:
«Додумались! Хватило, вишь, *сноровок*,
Чтоб дерзновенно развязать те силы.
Которые в материи таились, –
Ума лишь не хватило, чтобы их

Использовать разумно, экономно...
Ну что ж, скажу: пожили и довольно!
Галактика ведь клином не сошлась
На них одних! Ведь звезд у нас довольно!»
Так он изрек и с башни вниз спустился,
Засеменя на гибких тонких лапках.
Сияли Млечного Пути туманы
Жемчужным поясом чрез небосвод;
Горели ярко звезды в черном небе,
Среди которых ты узнать бы мог
И Альтаир, и Антарес кровавый,
И Сириус блистательный, и Вега.
Однако сочетались те светила
В созвездия совсем иного вида,
Чем те, что в небесах привыкли видеть
Глаза погибших жителей планет,
Которые недавно обращались
Вкруг Солнца, обновившего себя...

1935

Горький

НАСЛЕДИЕ ИКАРА

Афинских скульпторов краса и гордость – Дэдал
С Икаром-мальчиком пленен на Крите был.
Искусство сыну он, стремясь спастись, поведал
Летать по воздуху, пристроив пару крыльев.

Но мудрого отца напрасны все усилия
Предотвратить беду – безумно смел Икар.
Сам Дэдал спасся, сын упал, спаливши крылья,
Поднявшись дерзко ввысь, где страшен солнца жар.

Не дивно ли? Века промчались, как мгновенья:
Афинский царь бежит на дальний остров Крит.
«Здесь от Тевтонских орд найдем с тобой спасенье», –
Его заверил друг, в войну втавивший – Бритт.

Но поднялись ростки семян, что сеял Дэдал,
И не препятствие уж для людей эфир.
Искусство Дэдала опасное изведал
Тевтонский Минотавр, пожрать желая мир.

Уж полчища его прорвали все препоны,
Несясь по воздуху. Союзный строй разбит.
Громят, палят огнем свирепые Тевтоны
Темницу Дэдала, оплот Афинян – Крит.

В событиях ясна мне Немезиды Кара:
Был сыну Дэдалов преждевременен дар.
Афинян и всех нас, как мальчика-Икара,
Грозит сейчас спалить воздушных битв пожар.

28.V.1941

НОВАЯ ВОЙНА

Зловеще в небесах свершают путь созвездья:
Кровавый Марс вошел в знак гневного Стрельца;
И снова близок день великого возмездья –
Короткий перерыв исчерпан до конца.

Минуло двадцать лет. Созрело поколение,
Не знавшее войны – забыт ее кошмар;
Не потому ль вождей сорвались соглашения
И новый Герострат зажег войны пожар?

И если *та* война отбросила народы
На триста лет назад, заставила забыть
Добытые в борьбе священные свободы,
Погромы, и костры, и пытки возродить –

То бойня новая стократно будет злее:
Безмерно возросло могущество людей,
И ярость их машин, увы, не пожалеет
Ни мирных городов, ни женщин, ни детей.

Все ценности веков Молок войны поглотит.
Когда ж насытится он через много лет –
Из-под руин дворцов, музеев, библиотек
Пугливо выползет лишь голый людоед.

Как похоронный звон, несется вой железный,
Затмила небеса аэропланов рать –
И содрогаясь, мир опять стоит над бездной,
Что для культуры всей могилой может стать.

6.IX.1939. Горький

ПРЕЕМНИК ЧИНГИС-ХАНА

Рисуя фюрера в обличье Корсиканца,
Мы верим, что его конец уж предreshен.
Не много ль чести? Нет, проныре самозванцу
Не будем льстить, что он – и впрямь Наполеон.
Сын Революции свергал монархов троны,
Дразня их подданных иллюзией свобод;
Но Франции он дал разумные законы,
Пусть был он свергнут сам – законы чтит народ.
Наполеон не гнал, как фюрер, генерала
За то, что не был тот свиреп, как людоед,
Трусливо не сидел, как крот, в тиши подвала
И разум не терял в чаду чужих побед.
Он гением своим выигрывал сраженья,
Бесстрашно на полях вел сам войска на бой,
Когда же пробил час расплаты и отмщенья,
В самом паденье он был до конца герой.
Но фюрер – не герой! Нет острова на свете,
Что вечною тюрьмой ему захочет стать!
Насильника триумф бесславно сгинет в Лете,
Лишь будут именем его детей пугать.
Уж если фюрера равнять – то лишь с фигурой,
Рожденной мрачного средневековья тьмой;
И прототип его – Чингиз, разбойник хмурый,
Безжалостный палач и честолюбец злой.
Взять в руки власть – но как? Насильем и обманом!
Созвать громил, убийц, достойных лишь тюрьмы,
Вооружить тот сброд. Приказ дать атаманам
Объединить его в десятки, сотни, тьмы.

Разбить соседа рать коварным нападением:
Трудами пленников – искусных мастеров –
Культурных старых стран украв изобретенья,
Вооружить орды бездомных пастухов.
От желтой Хуан-Хэ до вод спокойных Дона
Леса из виселиц воздвигнуть на путях
Пройти по всей земле, сметая все препоны,
Заливши кровью мир, все разрушая в прах.
Нагрянувши с ордой под городские стены,
Помилованье всем за сдачу обещать;
Но, получив ключи, казнить Вождей изменой,
А город варварски с лица земли стирать.
И отобрав себе лишь мастеров искусных,
Могущих строить, ткать, ковать мечи, щиты,
Растлить всех жен и дев, казнить всех прочих
гнусно,
Тяжелой булавой ломая им хребты.
Поправши нагло все высокие законы,
Без коих на земле не стоит, право, жить:
Долг, верность слову, честь и милость
к побежденным,
Лишь право кулака законом объявить.
И землю превратить в бесплодную пустыню,
В толпу насильников – смиренных пастухов,
Проклятия на них навлечь, что живы ныне,
Быть пугалом детей теперь, чрез семь веков!
Что ж? Много ль *нового* дал нам твой мозг
сумбурный,
Монголов новых вождь, тевтонский Чингис-хан?

Чрез славных семь веков истории культурной
Ты варварству обрек цвет европейских стран.
«Круглоголовым – смерть!» – вот яркая «идея»,
Которую, пророк, ты миру возвестил.
Все смертные грехи отпетого злодея
Ты «расе избранной блондинов» разрешил.
Иронией судьбы великому народу,
Что Канта, Шиллера и Гельмгольца нам дал,
Пришлось в наш век родить преступного уroda
И подготовить тем империи финал.
И будет тот развал гигантского строения,
Что, фюрер, взгромоздил ты на костях людей,
Во столько раз быстрее монголов разложенья,
Во сколько «Мессершмит» быстрее их коней.

25.VII.1941

ЛЕНИНГРАД

Под вечер стих германских гаубиц гул,
Весь день дробил дома их тяжкий молот,
Был лед Невы разрывами расколот,
Великий город, истомясь, уснул...

Погиб отец – держал он караул;
В окопах сын, в квартире темной – холод.
Под печкой мать и дочь – убил их голод.
Заглохла печь. Сожжен последний стул.

Но держит книгу мать рукой застывшей,
В последний час «Онегина» раскрывши,
И дышат миром бледные черты.

Кто дал ей мужество для встречи с Смертью?
Поэт! Их вздох последний принял ты
И приобщил их к своему бессмертью.

*Март 1944
Горький*

ПРОТИВОСТОЯНИЕ (гороскоп 1943)

Зловещи Марса противостоянья,
Когда, к Земле приблизясь, бог войны
Плодит убийства, горе и страданье,
Злорадствуя с небесной вышины.

Промчались страшные четыре года
С тех пор, когда, вошедши в знак Стрельца,
Марс властно бросил мирные народы
В войну, которой нет и нет конца.

Приблизясь к нам и вознесясь высоко,
Отметил Марс и сорок первый год:
Его багровое видало око
На Русь тевтонских хищных орд приход.

Залили кровью шар земной Тевтоны,
Срывая жадно юных жизней цвет;
Чтоб мир спасти – восстали миллионы,
Враг остановлен, но победы нет.

И вот год сорок третий наступает.
Приблизясь вновь, с небесной высоты
Кровавый Марс, на землю взглянешь ты.
Скажи, что нам приход твой возвещает?

Сойдясь вплотную, набираясь сил,
Бойцов усталых миллионы стали.

Запасы грозные огня и стали
Противник каждый щедро накопил.

И ждут народы, затаив дыханье:
Чем кончится нависшее, как гнет,
Питомцев Марса противостоянье?
Кто первый бой чудовищный начнет?

Так туч громады черной пеленою
Затмили небо. Давит тишина,
Что столь томительна перед грозною;
Предчувствий-бед природа вся полна.

Вот-вот сверкнет из туч, и грянут громы –
Кого Перуны с неба поразят?
Скажите, мудрые, кому знакомы
Пути планет: что звезды нам сулят?

«Грядущее темно. Но Марс жестокий
Когда войдет на небе в знак Тельца –
Поглотит крови доблестной потоки
И жертв и жертв стотельчих – без конца».

1.VII.1943

ПРИГОВОР СЛЕЗ

В старинном Нюрнберге на экране
Был вокрешен кромешный Дантов ад:
И печи, где тела детей горят,
И гнусные орудья истязанья.

Но кинофильма кончилось мельканье:
Встав с мест своих, лицом к лицу стоят
И судьи, и убийц преступный ряд –
О, как зловеще долгое молчанье!

Шатается солдат – он потрясен,
И по щекам поток струится слезный –
А смерть не раз в сраженьях видел он.

Пора кончать! Ведь в тишине той грозной,
В слезах, что храбреца туманят взор –
Убийцы уж прочли свой приговор...

5.XII.1945

Горький

КАВКАЗСКИЕ СОНЕТЫ

1. ЧЕРКЕС

П.А. Аренскому

С лихими предками не схож черкес:
Черкеску пересыпав нафталином,
Он щеголяет в модном френче длинном,
И чужд ему набегов древний бес.

Да, не пойдешь судьбе наперерез:
С хозяйской думой на челе орлином
Он сажит кукурузу по долинам,
Жену за грушами пославши в лес.

И лишь на свадьбе или на Байраме
Черкес былой опять встает пред нами:
Черкеска вынута из сундука,

С кинжалом, но давно уж без винтовки
Он мчится в разудалой джигитовке
И кличет грозное: ари-ра-ка!

1932. Симферополь

2. БАТУМ

В Батуме дни оранжерейно-жарки,
Но дышится легко и пряно. Тут
Ласкает море, солнце жжет и жгут
Газельи очи девы гор – аджарки.

Здесь краски так насыщены и яркие,
Земля – кирпич, листва – как изумруд!
Гортензии лазорево цветут
И рододендроном пылают парки.

Но часто-часто меркнут небеса,
Льет дождь, покрыто небо жирной пленкой,
Чадрой сокрыта диких дев краса,

И в аромат изысканный и тонкий,
Что льет весной цветущий апельсин,
Привносят смрад мазут и керосин.

1933. Батум

3. Потти

У мутных вод Риона дремлет Потти.
Здесь свеж на улицах травы ковер.
Вокруг – амфитеатры снежных гор,
Но отступили горы далеко те.

Туман москитов вьется на болоте,
Под вечер громогласен жабий хор,
Но тускл малярика стеклянный взор
И город замер в вековой дремоте.

Он грезит сон, как некогда в залив
В сияньи шлемов и поножей медных,
Эллады речью берег огласив,

Явился с моря сонм гостей победных
И силой чар забрал их вождь Язон
Руно золотое, что хранил дракон.

1933. Батум

4. ПАЛЕОСТОМ

Урчит, гудит лягушками болото,
Волнами марева вдали струясь.
К полудню комаров притихла мразь.
Под ситником, в воде чернеет что-то:

То – буйволы. Они, как бегемоты,
Залезли по уши в родную грязь
От слепней надоедных, погрузясь
В блаженно-допотопную дремоту.

Потоки беспощадного огня
С белесого струятся небосвода
В молочные, распаренные воды.

В давящем пекле яростного дня
Сковала мир тягучая истома
И, как стекло, простор Палеостома.

9.XI.1933. Батум

5.

В.Н. Никитину

Ты помнишь – море, ночь?.. Норд-ост суровый
Навстречу судну гнал за валом вал.
На вахте каждый с трепетом взирал,
Как перед нами вал вздымался новый.

И вот восстал он, страшный и багровый,
Штирборта красный отразив сигнал,
Впилась рука в спасительный штурвал,
Когда он опрокинулся над провой.

Но крепко судно, выверен компас.
И пронеслась беда на этот раз, –
Мы выплыли, недолго длилась буря.

Так румпель воли, совести компас
В житейских бурях не оставят нас,
И воссияет солнце нам в лазури.

11¹/₂ час. ночи. 1932

Скорый поезд Москва – Севастополь

ГЛАЗА

В водоворот безумный вовлеченный
Московских улиц, я вскочил в автобус
И сел на первое сиденье, у окна.
Покачиваясь плавно на пружинах
Сиденья комфортабельной машины,
Смотрел вперед я равнодушным оком.
Навстречу мне сумбурный хаос неся
Московских улиц: мчались троллейбусы,
Грузовики, грохочущие страшно,
Приземистые «ЗИС'ы» и «Победы»
(В них – жирные затылки бюрократов),
Малолитражные ничтожества – «Москвички»,
Мотоциклисты, страшные, как звери,
В собачьих куртках, кожаных ушанках.
Порой с отчаяньем сквозь жуткий хаос
Рысцою пешеход перебирался,
Рискуя поминутно жизнью. Важно
На перекрестках шумных возвышались
Симфонии той адской дирижеры –
Как автоматы, клобом милицейским
То останавливая наш поток безумный,
Чтоб пропустить другой, то снова жестом
Заученным давая нам дорогу.
На паутине медной нависала
Над суетой кипящих улиц – СМЕРТЬ,
Грозя огнем многовольтовых молний.
О, СМЕРТЬ смотрела тысячами глаз
Из-под колес трехтонок ошалелых,

Сигналами мигала перекрестков,
Гудками выла озверелых ЗИС'ов,
Трамвайными звонками дребезжала,
Ревела хриплым рыком мегафонов,
Свистками милицейскими сверчала,
Дышала смрадом газов выхлопных
(Утилизированным так «экономно»
В немецких всем известных «душегубках»).

Поток ревуший несся в берегах
Домов обмызганных и небоскребов,
Что как грибы в послевоенный век
Росли велением меганоманов.

И вот в мельканьи киноленты улиц
Мой взгляд поймал взгляд чих-то серых глаз,
Смотревших на меня – так мне казалось!
На самом деле серые глаза
Водителя автобуса смотрели
Вперед, на путь, что нам навстречу несся.
Но взгляд их был обратно отражен
Наклонным зеркальцем в кабине тесной,
Чтоб видеть СМЕРТЬ, крадущуюся сзади.

О, сколько было в серых тех глазах
(Слезящихся, усталых, воспаленных)
Покорности Судьбе неотвратимой,
Сознания ОБРЕЧЕННОСТИ своей!
Ведь каждый Божий день подобно белке
Крутиться в колесе Москвы безумной,
Водя автобус от Заставы к Центру,
Привычно-стойким напряженьем нервов
Сквозь улиц лабиринты пробираясь.

Взгляд говорил, что опытен водитель:
Он не направлен был вперед недвижно,
А колебался в стороны немного.
Водитель обходил препятствий рифы
Предельно четко, быстро, как машина –
Гудка сигналом путь освобождая,
Иль тормозя слегка машины ход,
Иль чуть заметным «бублика» движеньем
Свой курс прямой немного отклоняя.
Все, воспринятое тем взглядом, в миг
Реакцией ответной претворялось
В движенье четкое, как в механизме.
И не был суетлив тот взгляд – напротив!
Спокоен был вполне он и – покорен!
Да! я прочел в глазах приговоренность.
О, знали те глаза, что неизбежность
Возьмет свое, и ЭТО – совершится.
Ведь лет – немало. Ослабеют нервы,
Рефлексов трудовых исчезнет четкость:
Старуха глупая, что зазевалась,
На колокольню дальнюю крестясь,
Когда-нибудь метнется под колеса,
Иль велосипедист, юнец беспечный,
Не сможет выскочить из толчеи
Мальстрема страшного на перекрестке;
Или шофер-лихач из переулка
Трехтонкой хватит в автобус с размаха,
И – катастрофа! Лязг, и крик, и стон
Свисток неумолимый милицейский,
И протокол, и суд, и – увольнение!

.....
.....
.....
.....

Жена больная, дети... Колесо
Бессменных рейсов от Заставы к Центру
Покажется утраченным Эдемом.

.....
Но вот глаза, моргнув подслеповато,
Налево, к тротуару отклонились.
Автобус ход замедлил. Остановка –
И пассажиры стали выходить,
Поднялся тут и я – но не поймал
Я на прощанье глаз покорных взгляда!
Их веки воспаленные прикрыли,
Чтоб дать хоть несколько секунд – покоя!

1.IV.1950

ЧЕТВЕРТЬ СТОЛЕТИЯ 1932–1957

Сегодня четверть минуло столетья,
Как он ушел... Вновь прибыл посмотреть я
На детище Поэта – Коктебель
И на залива чистую купель.

.....

Как изменилось все за эти годы!
Покрыли сорняков колючих всходы
Развалины домов и их сады,
Хибарок новых выросли ряды.
Ушел народ степенный и суровый –
Пришел на смену люд чужой и новый,
И Коктебель селом «Планерским» стал,
Хотя давно планер здесь не летал.
«Планерское» – ничтожная деревня,
Храня культур минувших мусор древний,
В курорт моднейший превратилось вдруг,
Где так блестящ гостей столичных круг,
Где есть мотель – в него для пешехода –
Туриста иль паломника нет входа!
Лишь те, кого привез «Москвич» иль «ЗИМ»,
Найдет приют под кровом гордым сим.
Где пляж тянулся – сколько хватит взора,
Настроили навесы и заборы,
А здесь, на берегу пустынных вод,
Шикарный выстроен гостям «табльдот».
Курорта центр, как прежде, «Дом Поэта» –
Но как же разрослось жилище это,

Что, покидая этот мир, Поэт
Вручить писателям отдал завет!
Лишь комнаты его да мастерская
Гласят о Прошлом, строго сохраняя
Шеренги книг, картины на стенах,
А в нише – лик нездешний Таиах.
Вот «Габриаки», рядом бюст Поэта...
Здесь все заботами вдовы согрето.
Что остается ей? По мере сил
Хранить все то, что так Поэт любил.
Но жизнь течет, и за стенами дома
Его заветы многим ли знакомы?
«Курортник» не дает себе труда
Узнать, что было в старые года.
Когда ж один из них бывает спрошен:
«Скажите нам, а кто же был Волошин?»
Он часто отвечает невпопад:
«То был владелец этих мест... магнат»...
Магнат? Когда в доме бывало пусто,
Питавшийся лишь «пшою» и капустой:
С женой своею жил ведь скудно он
И пенсией был поздно награжден.
В горах Поэта скромная могила,
Что лишь любовь друзей нам сохранила:
На холме, видимом со всех сторон,
Поэт вкушает Смерти вечный сон...
Над ним – как купол, свод небесный синий,
Ограда – чобр и серебро польни.
Бедна, как сам Поэт, могила та:
Не памятник, не крест и не плита

Ее украсили лишь приношенья
Вдовы, друзей – ракушки и растенья,
Из гальки выложенный четкий крест,
Цветы полей, что собраны окрест.
Любовью всех могила та хранима:
Приходят к ней друзья, как пилигримы,
Чтоб скромный дар Поэту возложить,
В молчанье строгом сам с собой побыть,
Тропою каменистою спуститься
И с просветленным духом возвратиться...
В Дому Поэта снова теснота,
Увы! Компания друзей уже не та:
Где Горький, Брюсов на крыльце сидели,
Стихи читали Белый и Шенгели –
С философом встречается спортсмен:
Путевками весьма здесь прост обмен:
Вот академики, киноартисты,
Преобладают все же журналисты –
Безликий ряд неведомых писак,
Себя не обессмертивших никак.
Есть и поэты... Но скажу я грубо:
Что им Волошин? «Что им всем Гекуба?»
И, пережившая себя в веках,
Из ниши грустно смотрит Таиах
И думает: «Еще чрез полстолетья
На этот дом смогу ли посмотреть я?»
.....
Учил нас Гераклит, что все течет –
И Коктебель, конечно, уж не тот,

Каким он был, когда, покинув взморье,
В хитоне Макс бродил по плоскогорью,
На цепь холмов прищуривая глаз,
Чтобы не счесть уже который раз
Скупой ландшафт родного Коктебеля
Запечатлеть в стихах иль в акварели.
Да! Все не то, и люди и дома:
Безмерно изменилась жизнь сама...
И все ж для тех, чьи взоры изощренны,
Кому гекзаметром вещают волны,
Кто чувствует, что скрыто от других,
В ком жив Поэта вдохновенный стих,
Кто мудрости его познал глубины,
Кто видел лоб его под гривой львиной,
Кто слышал речь его один хоть раз
И был пронизан взглядом серых глаз;
Кто ведал кров его гостеприимный
Беседой наслаждаясь с ним интимной,
Любил его картины на стенах
И ночевал под белой Таиах –
Для тех холмы нагие Коктебеля
И Карадага пропасти и щели
Как в старину стоят оживлены –
Они Поэта памятью полны.
Ведь вал приборя так же, как бывало,
Выносит сердолики и опалы –
Так память цепкая друзей таких
Поэта вынесет звенящий стих;
Серебряная над волной морскою
Полынь холмов горька *его* тоскою:

Его мечтой, как встарь, напоены
Предгорий героические сны,
Его стихом дробится волн ватага,
Его горенье в жерлах Карадага,
На чьем обрыве, как его двойник,
Изваян Временем Поэта лик...

.....
Пройдут года... Быть может, Дом Поэта
Поглотит, как и все, немая Лета...
Ведь для домов и нас конец один:
Стать грудюю костей или руин.
Но есть и то, над чем бессильно Время:
Пусть трижды сменится людское племя –
Но не умрет Поэта вещей стих!
Он снова прозвучит в веках иных –
И громче, чем теперь, в том нет сомненья –
Наступит же век новый Возрожденья?
Поэт людьми грядущих тех времен
Вновь будет с пыльных полок извлечен,
И к мировым художникам причислен,
И будет стан друзей его – бесчислен!
Как пилигримы Царского Села,
Так в Коктебель потянут без числа
Любители поэзии далекой,
Чтоб на могильный холм взойти высокий
И возложить из алых роз букет
Под памятник, что заслужил Поэт.
Потом, в скалах найдя уединенье,
Вслух процитировать его творенья.
И будут вечно жить в его стихах

Россия-Мать на всех ее путях,
Людских культур падения и взлеты,
Искусства вековечного красоты,
И Мироздания сокровенный смысл,
И в Небесах узоры звездных числ,
И напряженный пафос Карадага,
И под скалой рокочущая влага...

11.VIII.1957

КАЗНЬ

Поутру над Москвой плывет зловещий гуд –
Василия призыв щемящий, погребальный.
У места Лобного скрипит обоз печальный:
Мятежников-стрельцов на казнь везут, везут...

Молчанье мрачное бородачи блюдут,
Чадят огни их свеч – огни Руси опальной;
Голосят жены их, дав поцелуй прощальный –
То Русь исконная пришла на царский суд.

Воздвигнут висок ряд перед Кремля стенами,
Преображенцев строй смирить врага готов.
Царь-Плотник на коне предстал перед рядами;

Его горящий взор безжалостно-суров,
И он готов рубить, как бревна в Саардаме,
На плахе головы дубовые стрельцов.

1.V.1951

ПОДСОЗНАНИЕ

Я – не поэт, – увы! Поэт подобен птице,
Что может распевать повсюду и всегда,
Напевами к любой вершине возноситься,
Слагая их спокойно, без труда.

О нет, я не таков! Я в прозе костенею,
И образов лишен язык вседневный мой,
Как шпагою боец, стихом я не владею.
Но – стих зато овладевает мной.

Подвержен я порой бываю наважденью,
Когда я сам не свой, и каждый нерв – струна,
Когда томленье – дни, а ночи безо сна –
Не это ли зовется «вдохновеньем»?

По целым дням сижусь прикован у стола,
Как пьяницу вино – зовет, влечет бумага.
Противиться – нет сил. Брошаю все дела,
И бедный мозг терзает рифм ватага.

Спасть от них – нельзя, они найдут везде,
Как рой докучных мух, как жадных гарпий стая.
Так в муках тягостных, в смятенье и труде
Внебрачное дитя – свой стих – рождаю.

Но вот – прошла болезнь, и снова я здоров,
В ярмо вседневных дел опять впрягаюсь вскоре.

Лишь ворох начерно исписанных листков –
Свидетель дней смятения и хвори.

Читаю – почерк мой. Ужели я писал?
На вязь небрежных букв взираю в изумленьи.
Откуда, не пойму, я эти рифмы взял,
И образы, и мысли, и сравненья?

То не мои стихи и не по силам мне:
Кто созидал их, тот – прозорливей, мудрее.
Когда здоров я, он глубоко спит во мне
И бодрствует, когда я «заболею».

Он – как сокрытый «дух», который говорит
Спиритам, что в кружок под вечер соберутся.
Да, я писал за ним, послушный, как спирт,
Что пальцы в вещее оставил блюдце.

17.VIII.1932

Алушта

КРАСОТА, ЧТО УХОДИТ ИЗ МИРА

Красоте первозданной земли
Многоликой, могучей и яркой
Вырождение и гибель сплели
Неизбежности серые Парки:
Изменяется старый наш мир,
Что сиял красотой бесполезной,
Все единый сравнял нивелир
С неизбежностью Рока железной.
Истребил на земле Человек
Все, что было на ней самобытно,
Все уйдет – безвозвратно, навек,
Что прекрасно, с Природою слитно.
Точно снег, всюду тают леса, –
Первобытного мира наследство,
Гибнет джунглей безбрежных краса, –
В них прошло Человечества детство.
Сожжены, предаются на сруб
И тайги вековечные стены.
Лес фабричных закопченных труб
Вырастает им вскоре на смену.
Перепахана дикая ширь,
Воля вольная степи целинной,
Где на борзom коне богатырь
За сайгаком носился былинный.
Там, где ветер трепал лишь ковыль, –
Монотонная пашня, толока.
Конь бензиновый – автомобиль
По равнине грохочет широкой.

Невозвратные дни сочтены
Тварей, полных отваги и силы:
С лесом, степью уходят слоны,
Зубры, лоси, жирафы, гориллы,
После долгой, неравной борьбы,
Что велась против них неустанно, –
Остаются одни лишь рабы
И наперсники злого Тирана.
Беспощаден Владыка Земли,
Младших братьев сметает он расы:
Уж навеки покорно ушли
Тасманийцы, ацтеки, веддасы...
Исчезает народный наряд
Многоцветный, как климат и страны, –
Складки ярких саронгов и фат,
Кимоно, кунтуши, сарафаны.
Простоватый турецкий народ,
Стерший некогда Элинов фрески,
Быстрым шагом к прогрессу идет,
Объявляя анафему... феске.
Экзотических стран нагота, –
Темнокожих Венер, Аполлонов –
Ханжеством их духовных патронов
Скрыта грязным тряпьем, проклята.
И единая серая мода, –
Европейской исчадь тоски,
Одевает земные народы,
Зажимая тела их в тиски.
Цилиндрически-тесные брюки,
Прозаически-куцый пиджак

И с надкрыльями черными фрак, –
Верх безвкусицы, штампа и скуки.
Древних рыцарей латы, щиты,
Кирасиров мундиры, доспехи
Были полны своей красоты
На плацдармах военной потехи.
Как сверкал этих панцирей ряд
В упоении отважной атаки!
Заменял их незримый наряд, –
Земляное, трусливое хаки.
Бой всегда был кровав и жесток,
Но подлее атак всех и рубок –
Удушающих газов поток,
Механических стук мясорубок...
Стихла музыка нежных смычков,
Смолкли гуслей и арф переливы, –
Вместо них патефонов надрывы,
Механический радио-рев.
Старых песен напевы забыты, –
В них нашел себя каждый народ,
И напев шансонетки избитой
Им на смену повсюду идет.
Мифы светлые полинезийцев,
Человечества детские сны,
Сказки негров, бушменов, индийцев
С корнем вырваны, запрещены.
Им на смену стандартную веру –
Ту, что грезил казненный Еврей,
Силой вводят отцы-миссионеры
Средь заблудших овец-дикарей.

Пусть сказания их на Фаворе
Красоты и значенья полны, –
Но какое же дело Маори
До богов Иудейской страны?
Вслед за библией идет чахотка,
Оспа, сифилис, корь и скорбут,
Принужденье, тюрьма, рабский труд,
Водка, голод, казарма и плетка.
В деловой, прозаический век,
Когда свергнуты ветхие боги,
Богу Золота стал человек
Строить нового стиля чертоги,
Вся эстетика – ветошь и хлам.
Что за польза в пилястрах, колоннах,
Украшавших дворец или храм?
И растут в городах-Вавилонах,
Пробиваясь сквозь копоть и дым,
Из стекла и бетона уроды,
Взор не радуя видом своим,
Но безвкусьем скребя небосводы.
Камни ж прошлого тают, как воск:
Воды Нильской плотины залили
Птолемеевский дивный Киоск,
Перл погибшего острова Филе...
Романтический старый наш мир,
Многоликий и пестро-несвязный,
Стал подстрижен под однообразный
Торгашей всенародных ранжир.
Ах, как стало на свете уныло!
Повсеместно царит лишь один

От Манчестера и до Манилы
Англосаксов штампованный сплин.
Всюду теннис, отели и бары,
Всюду чопорный их ритуал,
Золотых челюстей их оскал,
Банки, склады, конторы, доллары.
Разрастаясь ползучим пятном,
Ненасытной Европы бацилла
Шар земной целиком охватила.
Старый мир предназначен на слом
Повеленьем Златого Кумира.
Стиль культуры повсюду один:
Легионы бездушных машин
Красоту изгоняют из Мира...
И не в силах ее мы вернуть, –
Бесполезно бороться ведь с Роком, –
Можем скорбно о ней лишь вздохнуть,
Как вздыхают о детстве далёком...
Правда, есть и своя красота
В порождениях Нового Века,
И в машинах она разлита,
Взявших в плен их творца-Человека.
Как архангел, гигант-бомбовоз
Сеет Ужас и Смерть с небосвода!
Есть свой ритм в перестуке колес,
Гармоничен гудок парохода.
Красота не умрет никогда,
Были б люди, чтоб ей любоваться.
Точно Феникс из пепла, всегда
Она будет, сторев, возродиться.

Может быть, оглушительный джаз
Новым людям заменит Моцарта,
Красоту в тирании стандарта,
Может быть, и увидит их глаз.
Ведь недаром у новых поэтов,
Что поют породивший их мир,
Не услышим мы строгих сонетов,
Как певали Петрарка, Шекспир.
Деловит их язык лапидарный,
Не поет, а грохочет их стих,
Отражает поэзия их
Стиль эпохи – тяжелый, ударный.
Музой новой, что с веком идет,
Будет мир победивший прославлен,
Но его красоту пусть поет
Тот, кто старой красотой не отравлен.
Видно, время изжил я свое, –
К той красе холодна моя лира.
Я хочу воспевать лишь Ее, –
Красоту, что уходит из мира.

7.XI.1935

Горький

ДАТКАЛ ПОЭМА

Часть I. У костра

Лишь к вечеру пришли мы на привал,
К подножию крутого Ачешбока¹,
Что воздымает две свои вершины,
Как исполинские врата, над лесом.
Недаром ту гору зовут порою
Названьем страшным: «Чертовы Ворота».
Был трудный день: порядком мы устали,
Карабаясь по раскаленным кручам
Вершины мрачной Диц – так называли
Ее когда-то вольные черкесы².
Как сотами, пещерами источен
Отвесный скат утесистого Дица.
В одних и по сей день живут медведи,
В других – пожалуй, кое-кто похуже.
Так мне шепнул мой старый проводник,
Черкес Хурай Хатух из Прикубанья.
Признаться, невелик был результат
Моих раскопок по пещерам Дица:
Пригоршня камешков да зуб гиены,
Что в ледниковый век здесь обитала,
Оспаривая кров у троглодита. –
Вот все, что удалось мне раскопать
В наносах глинистых пещеры верхней.
Копал ведь я один: Хурай мой верный
Мне изменил и помогать в раскопках

Упрямо отказался; почему –
Он объяснить мне обещал, как только
Придем мы на привал и удалимся
На расстоянье должное от Дица.
Не соглашался долго он вести
Меня сюда, «к горам проклятым этим»,
И уступил лишь очень неохотно,
Сорвав притом неслыханную цену.
Он был простой пастух, на Лагонаки³
Пригнавший лошадей из Краснодара.
Отважный, ловкий, несмотря на возраст,
Он «не в ладах» был только с колдунами,
Шайтанами лесными, мертвецами...
И вот под самой кручей Ачешбока,
У входа в грот обширный, мы разбили
Свой одинокий лагерь. Расстилалась
У наших ног широкая поляна,
Как остров светлый в темном море леса.
Хурай развьючил лошадь и, стреножив,
Пустил ее пастись на ту поляну,
А я занялся заготовкой дров
И шишек, чтоб разжечь костер на славу...
Был душный вечер. В воздухе недвижимом
Листва огромных грабов и чинаров⁴
Как бы застыла; даже птицы смолкли
Намного раньше времени. На склонах
Отвесных Дица отблески заката
Еще горели ярко, но по небу
Поблекшему нетопыри чертили.
Но скоро небо густо потемнело,

Юпитер яркий засиял над Дицом.
Костер пылал; казалось, он ускорил
Веселым заревом победу ночи.
В ущелье где-то глухо ухнул филин,
В лесу ему отозвалась неясность.
Костер трещал, разбрасывая искры.
Как сладок нам заслуженный был отдых,
Как вкусен чай был с зачерствелым хлебом.
«Возьми, Хурай», – я предложил черкесу
И колбасу придвинул. «Нет, хозяин,
Пусть молодые кушают свинину,
Такое уж пришло, как видно, время!
Я ж старый человек и век свой долгий
Надеюсь дотянуть по старине».
Так он сказал, ломоть отрезал хлеба
И развязал кусок всегдашний сыра.
«Ну, объясни же мне теперь, Хурай,
Причину, почему ты отказался
Мне пособить копать в пещере Дица,
Чтобы набрать побольше вот таких
Кремней, зубов, костей, что так нужны мне».
«Зачем они тебе, – Хурай ответил, –
Те косточки и камни? – ты не мальчик».
«То камни не простые, – возразил я
И попытался «просветить» черкеса. –
То острия для копий и осколки
Ножей кремневых, что употребляли
Здесь люди много тысяч лет назад,
Когда еще не ведали железа.
С такими копьями они вступали в бой

С медведями и прочими зверями,
Их убивали, с них снимали шкуры
Осколками камней, как бритва острых.
Пойми, Хурай: ведь в этих кремешках
Начало всех орудий и оружия,
Всего, чем люди покорили мир.
Все самые мудреные машины
И тракторы, что пахут за Кубанью,
И пушки, что стреляют верст за тридцать, –
Все началось от этих кремешков».
С презрением рукой кремень подбросив,
Хурай ответил: «Пустяки все это.
Такие камни я видал в курке
Винтовки старой, что отец мой прятал
В дупле большого дуба от казаков;
Видал в его огниве, – им отец
Закуривал, не признавая спичек.
Ведь спички получили мы от русских,
А русским мой старик простить не мог...
Железо ж наши предки знали, верно,
Спокон веков, от сотворенья мира.
Я сам однажды выкопал под дубом
Такой заржавленный кинжал, что он
Рассыпался в руках моих, как глина...
А если прав ты, если ваши пушки
Произошли от малых тех камней,
Что выкопал на Дице ты проклятом, –
То будь же прокляты и эти камни.
Ведь если б не было у русских пушек,
Не удалось бы им побить черкесов

В ущельях неприступных наших гор
И из родных нас выселить аулов.
А жили мы, как говорил отец мне,
Счастливо и без тракторов без ваших.
Но все это брехня. Послушай лучше,
Что мне рассказывал отец покойный,
Который жил недалеко отсюда,
В местах, тебе знакомых – в Гузерипле,
В те времена, когда нас, абадзехов,⁵
Не выгнали еще вы за Кубань...
Плохое место Диц-гора, хозяин!
В былые годы ни один черкес
Не лазил на нее, и лишь недавно
Гонять туда коней казаки стали –
По дурасти! Не знают, чем рискуют.
Есть щель бездонная на той горе, –
Так мне рассказывал не раз отец мой, –
Ведет та щель в глубокую пещеру;
В пещере этой, в страшной темноте
Лежит Даткал. Кто он такой – не знаю.
Колдун большой, быть может, – сам шайтан.
Давным-давно разгневал он Аллаха
Своею дерзостью, и приказал Господь
Злодея заточить в пещеру Дица
И приковать семью цепями крепко.
И вот лежит Даткал уж много лет
И умереть никак не может. Рядом
Лежит кинжал огромный. – С ним Даткал
Восстать, безумный, думал на Аллаха.
Лежит он беспокойно; – видно, гордость

Не сломлена его. Порою, тщетно
Железные порвать пытаюсь цепи,
Он мечется, как бешеный домбай⁶.
И, верно, велика злодея сила!
В такие дни земля гудит, трясется,
Обвалы сыплются с утесов Дица
И часто убивают неразумных,
Как мы с тобой, прохожих. Говорят,
Что долго так лежать преступник будет,
Пока настанет светопреставленье.
Тогда Даткал стряхнет свои оковы
И вновь пойдет на страшный бой с Аллахом.
Вот что отец мне говорил, хозяин.
Должно быть, правда это, потому что
Другие старики из наших мест
Рассказывали то же⁷. Понимаешь,
Хозяин, почему с тебя я взял
Так дорого за лошадь в эти горы
И почему тревожить не хотел я
С тобою сон злодея-колдуна?
Ты – русский, я – черкес. Вот ты не веришь
Ни в бога, ни в шайтана, и тебе
Все нипочем; но я – другое дело:
Мне надо чтить законы наших гор.
Уж поздно, друг. Давай-ка спать заляжем,
А завтра встанем рано, на рассвете,
Чтобы добраться к ночи до Баговской⁸ –
Боюсь я, что испортится погода».
Так он сказал, сходил проверить лошадь,
На бурку лег поодаль от костра,

И ровное дыхание черкеса
Мне вскоре показало, что он спит...

.....
Как зачарованный сидел я долго,
О сне, конечно, я не мог подумать.
Как! здесь, в лесной глуши, в горах Кавказа
Из уст неграмотного пастуха
Услышать вдруг о муках Прометея?
Услышать миф живой, такой же древний,
Как человечество? Так вот скала,
К которой благодетель наш великий,
Похитивший для нас Огонь небесный,
Завистливым владыкой был прикован –
Зевесом, чья лучистая звезда
Сияет над темницею страдальца,
Над этой мрачною горою Диц...

.....
Уже совсем стемнело. Было тихо.
Лишь на поляне тренькали сверчки
Да хохотала жалобно неясить.
Был звездами усыпан небосвод,
И светляки в глубоком мраке ночи
Мелькали, как летающие звезды⁹.
Опершись на руку, лежал я у костра,
Как очарованный, в него уставив взоры...
...О, как люблю в степи или в лесу
Я вокруг огня приветного привалы.
Люблю разжечь большой, большой костер:
Из кучи шишек и засохших сучьев
Вдруг пламя вырвется, как зверь на волю;

Пойдет плясать, разбрасывая искры,
Что гаснут где-то в темноте, высоко.
Люблю разжечь, раздуть костер я так,
Чтоб пар валил от отсырелой бурки
Да отблески багряные огня
Играли на чернеющей опушке.
Люблю подолгу я сидеть, следя,
Как синий огонек мелькает, скачет
По раскаленным ярким головешкам,
Что рассыпаются в багровый жар,
Подернутый налетом белым пепла;
Но стоит бросить сушняка охапку,
Чтоб снова возрождение Огня
Увидеть к бурной и горячей жизни.
Люблю я даже дух, что издает
Продымленная бурка, призывая
Меня из города в леса и горы.
Божественный наш Агни, воплощенный
В костре и очаге, горящих ярко.
Должно быть, глубоко сжилось с тобою
Все наше естество за долгий срок –
За сотни тысяч лет совместной жизни.
Как много-много поколений голых
Дрожащих бесприютных дикарей
У пламени такого находило
Защиту от ночной суровой стужи
И ярости вокруг рыщущих зверей!
И что сравниться может по уюту
С беседой задушевною друзей
В глухом лесу, в пути иль на охоте,

У пламени вечернего костра?
Иль с отдыхом в кругу семьи любимой
Ненастной осенью, зимой холодной,
Собравшись вокруг родного камелька?
Ведь по сей день, отапливая паром
Свои дворцы, не хочет человек
Подчас расстаться с верным старым другом
И громоздит под крышей небоскреба
Прадедовский камин невесть зачем.
Так грезил я, подбросив дров на угли...
Но вот привлек мой напряженный взгляд
Оббитый кремешок, что обронил я,
И мысль, что высказал я вскользь Хураю,
Мной завладела властно... Думал я:
«Велик и ты, мой кремешок ничтожный,
Скребло бесхитростное троглодита...
Быть может, мой далекий дикий пращур,
Медведя одолев в жестокой схватке,
Скоблил тобой его сырую шкуру.
Нескладен ты и туп, мой кремешок,
И я тобой едва могу очистить
Вот эту палку от коры и луба –
И все же, повторяю, ты велик:
Ты – семя, из которого возникло
Всей техники раскидистое древо.
Все, все чудесные ее дары,
Все грозные машины истребления –
От каменной Адамовой мотыки,
От топора, каким убит был Авель, –
И плуг, и меч, и телескоп, и пушка,

И гидравлический могучий молот,
Который плющит сталь, как мягкий воск,
И танк, людей давящий, как козявок, –
Все от тебя пошло в конечном счете...
Но если положить все на весы, –
Машины разрушенья перетянут:
Ведь пушки тяжелее телескопов!
Уж такова природа наша, видно,
Что самый драгоценный дар культуры
Себе же мы на гибель обращаем:
Изобретя могучий самолет,
Осуществив в нем сон тысячелетий, –
С него тотчас мы сеем разрушенье.
...Увы. Как много гениев высоких,
Людей с душою чистой, кротких сердцем,
Похитив тайну новую природы,
Открытьем лишь умножили своим
Великие страданья человека
И сделали кровопролитней войны,
В которых тысячи недавно гибли,
В которых ныне гаснут миллионы
“Мир отражающих людских сознаний”.
Да! Темен путь развития человека...
Ужели мозг гориллы он утроил
Лишь для того, чтоб изобресть торпеду?»
.....
Так думал я, мешая палкой жар.
Юпитер скрылся за уступом Дица.
В листве каштанов копошились сони,¹⁰
И тихо всхрапывал во сне Хурай...

.....
«Да что и говорить нам про торпеды
И танки, что грохочут на войне!
Ведь вся бездушная культура наша
В эпоху жадных “спрутов-городов”,
Сосущих оскудевшие деревни, –
Есть лишь единый яростный сверх-танк
Неумолимо-тяжкий, точно фатум,
Давящий слепо миллионы жизней,
Неся в своей утробе раскаленной
Бойцов отважных, но приговоренных...
.....
.....

Подумать только: что за унижение
Для существа, рожденного, чтоб мыслить,
Всю жизнь быть лишь конвейера деталью,
Быть винтиком и рычажком ничтожным
Чудовищной машины бессловесной,
Что разорвет тебя в единый миг
В своих железных челюстях на клочья,
Лишь ты *задумаешься* на мгновенье!
Поистине, орудья человека, –
Вчера его медлительные слуги, –
Грозят в его тиранов превратиться!
Развитье их сейчас идет стихийно,
Растет помимо воли человека...
.....

Вся жизнь людей в железный век машин,
Век жадного вампира – капитала
Есть лишь единый бешеный конвейер,

Вседневно ускоряющий свой темп,
Вращаясь все в одном порочном круге...

.....
.....

Да, тяжек гнет ваш, спруты-города,
Заводами сосущие деревни,
Заводами, из коих половина
Готовит лишь орудия войны!
И этот гнет растет неудержимо,
И рост его сдержать – не в наших силах.
Ведь люди множатся, – им стало тесно.
“Агрессий нет, лишь есть самозащита”.
Вот формула, что любят дипломаты....
Грубеют нравы с каждой новой бойней;
Быть может, перейдя свой апогей,
Сейчас уже мы катимся под гору,
В бездонную пучину одичанья.
Все может кончиться всемирной свалкой
И гибелью всех ценностей культурных.
Ведь если отрезвление не придет
В ближайший век, – погибель неизбежна.
Самсон цивилизации слепой
На самого себя обрушит храмы,
Воздвигнутые гением его...
История земли дает примеры,
Когда могущественные созданья
Бесследно вымирали потому лишь,
Что заходили в “тупики развития”:
Атлантозавр, огромный, как гора,
Погиб, раздавленный своим же весом,

А махайрод растил себе клыки
Пока они, разросшись непомерно,
Не заградили кровожадной пасти,
Обрекши обладателя на голод.
И не подобна ли таким клыкам
Та техника, которой мы гордимся?
О, человечество! Когда бы мог я
Судьбу твою прозреть! Довольно ль ты
Уметливо, умно, живуче, гибко,
Чтоб с честью выбраться из тупика,
В который ты зашло помимо воли,
Иль ты осуждено на одичанье?
Переживем ли вновь мы Ренессанс?
Сверхчеловек! Придешь ли нам на смену?..»

.....
Так думал я, не в силах сном забыться,
Ворочаясь со вздохом с боку на бок.
Кремней находка, разговор с Хураем
Разбередили вновь во мне сомненья,
Которые не раз уже томили
И мучили – да одного ль меня?
Костер мой догорал. Улегшись навзничь,
Вперил я взор в сверкающие звезды,
Вдыхая ароматы тихой ночи,
Внимая смутным шорохам ее,
И думал: «Вот, лежу, здоровый, сильный,
Свободный, словно зверь, и наслаждаюсь
Величьем и красотами природы.
Вот захочу – останусь здесь надолго.
А сколько тысяч, сколько миллионов

“Мир отражающих людских сознаний”
За весь свой тусклый век не отразили,
Помимо темных и сырых подвалов,
Помимо улиц грязных, – ничего!
Возникло новое людское племя,
Что, променявши жизнь под ярким солнцем
На прозябанье в недрах городов,
В ущельях улиц, в метрополитенах,
Подобьем стало выцветших термитов,
Что в вечной тьме свои буравят ходы,
Не вынося ни воздуха, ни света...
Да, тесен плен ваш, спруты-города»...

.....
И слушая сверчков ночные песни,
Вдыхая запахи земли уснувшей,
Вперив глаза в блистательную Вегу,
Царящую средь Млечного Пути, –
Стряхнуть с себя вдруг страстно захотел я
Все, что меня так тяжело угнетало,
И для себя хоть разрубить тот узел
Противоречий, лжи и злодеяний,
Что мы, гордясь, зовем сейчас культурой.
«С меня довольно! Жить осталось мало,
Мне не увидеть тех блаженных дней,
О коих грезили в веках и грезят
Пророки, реформаторы, поэты...
Настанут ли те дни когда-нибудь?..
Уйти сейчас от зла, умывши руки,
Отрясши прах от ног. Ведь на планете
Еще осталось несколько клочков,

Щедротами культуры пощаженных, –
Хотя бы здесь, на склонах Ачешбока, –
Их хватит ведь на век короткий мой.
Уйти совсем сюда, в леса и горы,
И поселиться хоть в такой пещере.
Питаться алычой, кукурузой,
Мотыкою возвращенной на поляне.
Прилежным ухом слушать хоры птиц,
Поющих гимн Природе уходящей,
Дышать одним дыханием с природой
И любоваться, как лучи заката
Окрашивают в золото и багрянец
Извечные снега Кавказских гор.
А ночью созерцать благоговейно
Созвездий сребротканые узоры
И Млечного Пути туман жемчужный,
Себя лаская смутною мечтой,
Что там, в безгранном мировом пространстве
Есть много-много Солнц огромных, светлых,
Как эта ослепительная Вега!
Вкруг тех светил вращаются планеты:
Там, верно, обитают существа,
Которые настолько ж превосходят
Земного человека совершенством,
Как тот личинку, гложущую труп.
А там – уйти в Ничто... Таков удел
Отшельника, ученого, солдата...
Но, право ж, лучше тихо умереть,
Храня в зрачках застывших отблеск звездный,
Чем задохнуться в городском подвале.

.....
.....
.....
О, тяга вечная из городов,
От суеты греховной их в пустыню!
Не странно ль? С отдаленнейших времен
Пустынников святыми чтили люди,
Примеру их не следуя отнюдь».

.....
Костер мой прогорел. Покрылись пеплом
Его багряно тлеющие угли.
Уж на поляне смолкнули сверчки,
Лишь лошадь где-то фыркала во мраке.
А на востоке звезды стали гаснуть:
Их закрывал зловеший черный полог,
Наползший незаметно из-за гор.
Унылые и тягостные мысли,
Томившие меня, мешаться стали,
Вертясь и забегая друг за дружку, –
И крепкий сон подкрался незаметно...

Часть II. Гнев Титана

Не знаю, долго ль, коротко ль я спал, –
Проснулся я перед восходом солнца
От странного какого-то гуденья,
Как будто гомона большой толпы.
Уж рассвело. Но было странно душно
Для утра раннего в трущобах горных,

Должно быть потому, что небосвод
Уж не был так безоблачен и ясен,
Как накануне. Тяжкая гряда
Свинцовых туч окутала злоеще
На юге цепь далеких снежных гор;
Над нами ж небосвод еще был ясен.
Хурай мой, видимо, давно поднялся
И наблюдал в мой Герцевский бинокль
За чем-то, что свершалось на поляне.
А что творилось там, понять не мог я,
Поднявшись и туда направив взоры;
Большие толпы шумные людей
Всех возрастов, племен и состояний,
Одетых пестро в модные костюмы,
Одетых в рубища и полуголых,
Шли снизу чередой неудержимой
И заполняли тихую поляну,
Которая как будто стала шире.
Шло большинство пешком, но было много
Таких, что приезжали в экипажах,
В арбах, автомобилях и верхах.
Иные прилетали в авиэтках
И приземлялись ловко на поляне.
Поднявшись, многоликие те толпы
Располагались вокруг большой скалы,
Свалившейся когда-то с Ачешбока.
Кого тут только не увидел я!
Надменные английские милорды
В спортивных френчах, в смокингах, цилиндрах,
С моноклями, слова цедили скупо

Своим нарядным белокурым леги,
Лорнировавшим с миною презренья
Крикливых, жирных, краснорожих немцев
В альпийских шляпах и плащах из *Loden*,
Которые приволокли с собой,
Как будто на пикник, корзины пива,
Кричали «*hoch!*» и чокались друг с другом.
Разносчики сновали меж рядами
И продавали бойко «эскимо».
Горластый, хриплый громкоговоритель
Неведомо откуда-то гнусавил
Куплеты герцога из «Риголетто».
Российские простые мужички,
Куря махорку из «собачьих ножек»,
В лаптях, с котомками расположились
Бок о бок с группами спортсменов стройных
В трусах и пестрых майках. В отдаленье
Почтенные ученые мужи
В бинокли деловито изучали
Зубцы крутого Дица, как-то странно
Нависшие над самою поляной.
Подальше юркий кинооператор
Налаживал свой сложный аппарат.
Лоснящиеся жирные аббаты
Гуртом благословляли итальянских
И польских баб в крикливо пестрых платьях,
А множество убогих и калек –
Слепых, хромых и просто попрошаек
Назойливо просили милостыню,
Но чаще по-пустому. Ребятишки,

Как чертенята, с криками повсюду
Шныряли между ног. Особняком
Держались у своих автомобилей
Военные всех наций в элегантных
Мундирах цвета хаки: немцы, янки,
Французы, англичане и японцы.
Держались все они настороженно,
Но вместе с тем подчеркнуто корректно.
В сынов Арея запускали стрелы
Зовущих взглядов жрицы Афродиты.
Но, как всегда и всюду на земле,
Владельцы элегантных лимузинов,
Одетые со вкусом и богато,
Особняком держались пред скалою,
Как будто бы в рядах партера первых;
А голодранцы и простой народ
Толпились на окраинах поляны.
Когда же кто-нибудь из бедняков,
Забывшись, нарушал порядок этот, –
В перчатках белых рослый полисмен
Его тотчас же водворял на место.
А у краев поляны, на опушке
С великим изумленьем я увидел
Большие толпы голых дикарей:
Индейцев, папуасов и зулусов,
Заглядывавших робко на поляну.
Неисчислимы все эти массы
Все прибывавших из лесу людей
Шумели, говорили и галдели
На всех наречьях мира. – Иногда лишь

Сквозь гам сплошной мне слышались слова
На языках знакомых европейских.
«Пойдем, хозяин, ближе и посмотрим,
Что значит это все – какой там праздник? –
Сказал Хурай. – Я сколько ни бывал здесь,
Но никогда такого не видал».
Спустившись вниз, вмешались мы с Хураем
В галдящую толпу. Мы подошли
К отдельной группе горожан, по-русски
Между собой как будто говоривших.
И только я хотел их расспросить
О смысле многолюдного собрания, –
Как вдруг толпа вся разом оживилась
И загудела, точно улей пчел.
Катилось по рядам: «Вот он, смотрите!»
И тысячи перстов поднялись ввысь,
И взоры всех оборотились к Дицу,
А киносъемщик завертел машину.
Поднял и я глаза и разглядел
На круто нависающем откосе
Какую-то белеющую точку,
Спускавшуюся быстро по тропинке,
По коей накануне мы едва
С большим трудом спустились «на карачках».
И в этот самый миг блестящий край
Взошедшего за Дицем солнца брызнул
На божий мир живительным лучом,
Озолотив вершины стройных букв
И грозные обрывы Ачешбока.
Спустившись с непонятной быстротой,

Лишь на мгновенье задержавшись в чаше,
Та точка белая, – вдруг став фигурой, –
Уж появилась на краю поляны
И выросла в седого старика
Сверхчеловечески большого роста,
В хламиде белой. Быстрым легким шагом
Взойдя на возвышавшийся утес,
Вокруг которого толпились люди,
Гигант восстал вдруг на его вершине,
И вмиг все замерло... «Даткал, Даткал! –
Шепнул Хурай мне в суеверном страхе
И за руку схватил. – Вот видишь, видишь!
Я ж говорил тебе, не надо было!..
Теперь – капут. Конец, как видно, света».
О, никогда я в жизни не забуду
Божественного облика гиганта,
Представшего пред толпами людскими
На той скале высокой, у подножья
Обрывов обнаженных Ачешбока!
Лик мудреца, подвижника, святого
И лик властителя одновременно...
Лик бледный, цвета старой кости,
Морщинами глубокими изрытый.
Лик, обрамленный белыми власами,
Спадавшими на царственные плечи,
С бородой серебряной по самый пояс
Напомнил мне тогда тот чудный образ,
Автопортрет известный Леонардо.
Необычайнее всего у старца
Его глаза сверкающие были:

Пронзительные, черные, как уголь,
Они порой снопы метали молний
Из-под бровей насупленных, кустистых.
Худые руки, голые по плечи,
Как из стальных канатов были свиты.
От всей фигуры дивного пришельца,
Одетой в белоснежную хламиду,
Прямой, как ствол столетнего чинара,
Могучей веяло и грозной силой.
Замолкли толпы шумные людей,
Прикованные обликом гиганта,
И стало тихо так, что были слышны
Цикады равнодушной стрекотанье
Да рядом шепот стройной украинки,
Старавшейся ребенка успокоить.
«Мовчи ж, скаженна дітина, слухай,
Що буде нам казати старий цей дід...»
И он заговорил... Как описать мне
Тот удивительный, тот страшный голос?
Могучий, полный, как орган собора,
Он то гудел глухим и грозным гулом,
Как будто исходя из недр подземных,
То вдруг звенел безжалостною медью,
То грохотал раскатами, как гром...
Я убежден, что ни один из тысяч
Людей, столпившихся вокруг утеса,
Из речи той не пропустил ни слова,
Но вспомнить не могу, как ни стараюсь,
Язык, на коем речь произносилась. –
Я знаю лишь, что понимали все.

«Я вас созвал, о люди, – так он начал, –
В день памятный для вас и для меня:
Сегодня полмилльона лет минуло¹¹,
Как искру я Небесного Огня
В стебле болиголова¹² полон тайно
Принес прадедам вашим волосатым,
Что жили семьями вон в тех пещерах».
Он указал широким круглым жестом
На склоны голые крутого Дица.
«Зачем я сделал так? Я часто думал:
Как бесконечно дивно Мирозданье!
Как велико могущество Природы!
И все же, среди многих легионов
Живых созданий, землю заселивших,
Нет ни единого, чей светлый ум
Мог отразить бы всю красу Вселенной,
Мог направлять ее слепые силы...
Но я найду такое существо,
Я просветлю его звериный разум
Огнем, что я похищу у Бессмертных,
Которые, завоевавши Мир,
Пируют праздно на своем Олимпе.
Кого ж из множества земных созданий,
Прекрасных, гордых сил своих избытком,
Я изберу для этой славной цели?
Львов? Но, размножившись, убийцы эти
Пожрут всех обитателей земли.
Слонов? Но эти смиренные гиганты
Раздавят все громадой тяжких туш.
Мой выбор пал на ваших предков, люди,

Которые бродили здесь по склонам
Большими ордами, питаясь мирно
Кореньями, орехами, плодами.
Вот, – думал я, – достойные созданья:
Их род пошел от камней, что в Фокиде
Мой сын Девкалион метал когда-то¹³.
Они стоят горою друг за друга
И так нежны к детенышам своим.
Их ум весьма пытлив, их чувства остры.
Я им вручу Огонь. Я просвещу их
И подниму до уровня Бессмертных.
Конечно, есть у них свои пороки:
Они жадны чрезмерно и сварливы, –
Но это – от нужды. Раз научившись
Трудом использовать земли богатства
И силы, что досель лежали втуне,
Они иметь все будут в изобилье,
И жадность их пройдет сама собою.
Объединившись крепко вокруг Огня,
Обогатившись даром связной речи,
Они словами разрешат все споры,
И скоро орды их совсем сольются
В единую всемирную Орду...
Они блудливы паче всех животных,
И блуд доводит часто их до драки;
Но этот блуд – нехитрая приманка,
Которою Природа побуждает
К усиленному размноженью тех,
Кто ею был оружием обижен.
Могущества великого достигнув,

Зачем им множиться, как жалким крысам?
И вот я дал Огонь прадедам вашим.
И вовремя. Ведь в эти злые годы
Борей наслал неслыханную стужу
На страждущую Землю и сковал
Ее покровом хладным льда и снега¹⁴.
Что было б в эти годы с вами, люди,
Когда бы не могли вы согреться,
Собравшись вокруг костра, и отгонять
Горящей ярко головней медведей,
Стремившихся прогнать вас из пещер?
И что ж! Сперва я мог гордиться вами,
Я мнил: сбываются мои надежды.
Огонь заполучив, – Людьми вы стали:
Вы стали говорить! Я научил вас,
Как из кремней оббитых изготовить
Резец, которым можно шкуру снять
С Медведя, пораженного секирой.
Ночами, собираясь вокруг Огня,
Расписывать вы стали свод пещеры
Фигурами растений и животных,
Их к жизни вызывая, точно боги¹⁵.
Вы Красоту в природе распознали
И возлюбили украшать себя.
Ваш разум просветлел. Вы стали видеть
Причины и сцепления событий...
Безмерно был разгневан происшедшим
Властитель лучезарного Олимпа.
Боялся он, что, получив Огонь,
Вы уподобитесь богам всесильным.

Но даже Зевс не в силах взять обратно
Того, что подарил Титан бессмертный!
И Зевс решил отомстить. Он приковал
Меня цепями к этим самым скалам
И приказал орлу терзать мне печень...
Так протекли томительные годы...
Что мучило меня? Не столько птица:
Титанам не страшны страдания тела.
Мне больно было видеть с места пытки,
Что сделали с моим вы даром, люди!

.....
Став кузнецами каменных секир
И научившись умертвлять животных –
Не только хищных львов, но и оленей,
Чтоб плотью их утробу насыщать, –
Вы изменили мирным нравам предков
И хищников умножили число.
Вы возлюбили кровь, восторг убийства:
Вы вскоре стали убивать друг друга
Оружием, вам данным для защиты.
Убивши брата, раздробивши камнем
Обглоданные кости ног и дланей,
Вы пожирали жадно костный мозг
И запивали жаркой братской кровью,
Ее черпая черепом собрата.
Моим огнем вы запускали пал
На села и поля своих соседей.
О, для того ль я просветил вас, люди,
Чтоб, изменив бескровной пище предков,
Вы хищностью превозошли и львов,

Которые не жрут себе подобных
И не терзают их столь утонченно,
Как вскоре пристрастились делать вы,
Изобретая пытки для забавы!..
Тысячелетья шли. Вы заменили
Топор кремневый топором железным;
Росло искусство ваше, но быстрее
Росли жестокость, хищность, кровожадность.
О, для того ли вырвал я вас, люди,
Из пастей львов, чтоб сами вы себя
Терзаньям новым обрекли тягчайшим...
На вас взирая, убедился Зевс,
Что опасения его напрасны:
Свершивши взлет, вы дальше не летите
И остаетесь жадными зверями,
Не приближаясь к уровню Бессмертных.
Смягчил свой гнев Зевес и разрешил
Сильнейшему из вас, людей, – Гераклу
Разбить мои мучительные цепи
И поразить орла стрелой меткой.
Но все ж свободы я не получил
И был Зевесом заключен надолго
В пещеру на горе высокой этой.
Он полагал: с меня довольно будет
Терзаний тех, что я терплю здесь вечно
От стонов, воплей, жалоб и укоров
Несчетных человеческих миллионов,
Что ветры мне приносят каждодневно
И что из года в год звучат все громче...
И так в пещере долгий ряд столетий

Томился я, как некий Дух Земли,
Рыданиями порой колебля горы...
О люди, люди! Только посмотрите,
Что сотворили вы с бесценным даром,
Мной данным вам для вашего же счастья?!
Бесспорно, велики успехи ваши:
Вы разгадали письма вселенной,
Исчислили и взвесили вы звезды,
Вы обуздаи молнию Зевеса,
Восстановили крылья вы Икара,
Вы в тайники проникли Вещества, –
Поистине, не видно и предела
Могуществу орудий дивных ваших...
Подумайте ж: когда б вы сами стали
Настолько ж совершенней ваших предков,
Сколь совершеннее орудья ваши
Скребла кремневого времен далеких –
Вы б жизнь себе могли создать легко
На зависть и блаженным Олимпийцам!
Ваш светлый разум мог бы разрешать
Легко все вековечные вопросы,
Неразрешимые для вас сейчас.
Всю тяжесть поручив работы черной
Орудьям мощным, сотворенным вами,
Могли бы вы легко себе оставить
Труд, что дает одно лишь наслажденье
И укрепляет творческие силы.
Владея крыльями, могли б вы все,
Подобно стаям птиц, переноситься
Из стран Гиперборейских к Эфиопам

И жить, где каждому из вас вольготней,
В жилищах светлых, средь садов и роц...
Могли б вы жить все в полном изобилье,
Свободные, могучие, как боги,
Смеясь над распрями былых времен.
Свой век земной могли бы вы утроить
И безмятежно, тихо умирать,
Пресытившись блаженством долгой жизни...

.....
Скажите ж мне теперь, скажите, люди,
Какую жизнь избрали вы себе?..
Сколь многие из вас живут в довольстве?
Ничтожное число! Лишь только те,
Что пот и кровь сосут себе подобных,
Миллионы же рабов лишь прозябают
В трущобах темных, в жалкой нищете
И жарятся у раскаленных горнов,
Куя весь век самим себе оковы.
Я речи научил вас, чтобы вы
Могли взаимно мыслями делиться, –
А вы скрывать змеиной речью мысль
Считаете великою заслугой¹⁶:
Все силы необъятные природы,
Открытые Небесным вам Огнем,
Вы претворяете сейчас безумно
В единую стихию разрушенья,
А до Орды всемирной вам далеко.
Ведь ваше естество осталось тем же:
Вы все пороки ветхой Обезьяны –
Сварливость, жадность, блуд, непостоянство –

Сейчас, чрез полмиллиона долгих лет
Храните бережно, еще умножив.
Все та же ненасытность обезьяны,
Что семь плодов сорвет, а съест единый,
Вас вечно побуждает истреблять
Во всеоружии всей вашей мощи
Безмерно более, чем вам потребно.
Вы исказили лик Земли прекрасный!
О, сколько густолиственных лесов
Вы истребили, превратив в пустыню
И иссушив тем царственные реки.
И будет ли когда-нибудь конец
Неисчислимым вашим злодеяньям?
Не будет никогда, доколе вы,
Блудливость сохраняя обезьяны
И награждая многоплодных самок,
Плодиться будете, как саранча!
Уже сейчас здесь на земле вам тесно,
И, как кроты, вы зарываться стали
Глубоко в землю. Что же мы увидим
Через тысячелетья? Ведь земля,
Как шашелем¹⁷, изъедена вся будет
Неисчислимыми норами мерзких
Друг друга пожирающих червей!
Безумцы! Разумом хвалясь кичливо,
Доселе вы не можете понять,
Что невозможно счастья достигнуть,
Безмерно, словно черви, размножаясь
На шаре ограниченных размеров.
Кичливость обезьяны преумножив,

Вы похваляетесь уже сейчас,
Что, не довольствуясь одной землею,
Свои злодеяния вы перенесете
На дальние, пресветлые миры...
И даже есть немалая опасность,
Что, развязав чудовищные силы,
От Зевса мудро скрытые Ураном,
В извечных свалках потеряв свой разум,
Вы наконец взорвете даже Землю...
Но не бывать такому святотатству!
И на Земле здесь впредь не допущу я
Безумств и преступлений ваших новых –
Пришел конец терпению и Титана!
Ведь не о вас одних идет здесь речь.
Грызитесь сколь угодно меж собою, –
Здесь речь идет о Матери-земле,
Которой Лик вы гнусно исказили;
Здесь речь идет о тысячах других
Прекрасных, вами угнетенных тварей,
Среди которых, верно, есть такие,
Которые иначе бы смогли
Божественным Огнем распорядиться,
Чем род сварливой, жадной Обезьяны.
.....
Итак, довольно, жалкие глупцы,
Неблагодарное и злое племя,
Довольно! Если оказались вы
Чрез полмиллиона лет, сейчас истекших,
Огня дарованного недостойны,
Его употребляя лишь во зло

Себе самим и прочим земнородным, –
То я его у вас возьму обратно!
А вместе с ним возьму и все, что вы
При помощи Огня завоевали:
Жилища, одеянья и орудья.
Беспомощны и наги, как когда-то,
Перед лицом Природы станьте снова!
Забудьте речи дар и будьте немые!
Ползите все опять в свои пещеры,
Как ваши предки, лезьте на деревья,
Грызитесь там друг с другом, как угодно, –
Но только голыми зубами. Всласть
Насилуйте своих блудливых самок,
Плодитесь словно кролики; – ведь скоро
Околевать вы будете, как крысы,
И вновь начнете пожирать друг друга –
Вы ж не забыли древний свой обычай!
Охотно в этом вам помогут звери,
Воспрянувшие к новой вольной жизни.
Их зубы, холод, голод, ваши распри
Восстановят природы равновесье,
Очистят землю от людской заразы.
Пусть выживут немногие из вас –
Но самые зубастые и злые:
Им легче будет отрастить клыки¹⁸
И, вновь покрывшись сплошь шершавой шерстью,
В зверей обыкновенных обратиться.
О, как легко вздохнет тогда земля,
Освобожденная от вашей скверны!
Вновь зарастут сплошным покровом леса

Изгаженные вами пустыри
И зацветут опять цветами степи,
На них размножатся стада газелей
И табуны свободных, вольных коней.
Вновь многоводно-полны станут реки
И закишат, как в дни былые, рыбой!
В морях опять забудут китов фонтаны,
А птицы – воспоют освобожденье...
И, может быть, Природа, отдохнув
От ига вашего, чрез ряд столетий
Произведет на свет в потугах новых
Потомков, более чем вы достойных,
Которым я вручу тогда охотно
Огонь небесный, отнятый у вас».

.....
«Кронион Зевс! Титанов победитель!
Ты, что карал меня, – услышь мой глас.
Хоть и не в том, что твой Огонь похитил,
Я пред тобой винюсь в сей грозный час,
Винюсь я, что Огонь твой сокровенный
Я в руки недостойных дал людей.
Прими ж его назад, сей Огонь священный,
Его тебе вручает Прометей!
В знак нашего с тобою примиренья,
Забыв свой гнев, мольбе моей вонми:
У осквернителей Огня, в отмщенье,
Все, все, что Он им дал, – назад возьми.
О, покажи им, что не все перуны
Они присвоили с небес твоих!

О, разрази сей род людей безумный
И вновь в ничтожество повергни их!»

.....
Гремел Титана голос, отражаясь,
Как многократные раскаты грома,
От обнаженных склонов Ачешбока.
Титана взор метал потоки молний –
И мне почудилось, что из голов
Несчетных толп людских, ему внимавших,
Вдруг потекли, как будто струйки света,
Подобные огням Святого Эльма,
К стопам стекаясь грозного Титана...
И чудо! При словах его последних,
Когда воздел он руки к черным тучам,
Тем временем закрывшим небосвод, –
Вдруг небо точно надвое расселось,
Сверкнула молния ужасным блеском
И грянул потрясающий удар
Мной никогда не слыханного грома,
Повергнувший на землю всех внимавших.
Упал и я, и потерял сознание...

.....
Когда очнулся я, еще висели
Клубы сернистого густого дыма
Над всей лежащей замертво толпою.
Когда ж рассеял их немного ветер, –
Увидел я, что все мои соседи,
Как и я сам, лежим совсем нагие,
Лишь на немногих тлеют клочья ткани:
Удар ужасный молнии раздел нас¹⁹.

Но уничтожил он не только платья:
Исчезло все, что принесли с собою
Бесчисленные толпы на поляну:
Телеги, авиэтки, лимузины,
Молитвенники, киноаппараты,
Мониста женщин, костыли убогих,
Оружие, бутылки и бинокли –
Лежали кучками золы и шлаков,
Исчез и гневный Мститель на утесе...
Сорвался вдруг порыв ужасный ветра,
Клоня вершины исполинских буков
И приведя в сознание оглушенных
Ударом сокрушительным людей.
Как опишу я, что тогда поднялось
На пораженной молнией поляне!
Расседанные бешеные кони
Носились дико, всех сбивая с ног;
Охваченные страхом люди тоже
Сперва толклись, как овцы в беспорядке,
Чтоб ринуться затем потоком бурным
Неисчислимых, потных, голых тел
К опушке близкой леса, вниз по склону.
Они топтали озверело старцев,
Детей, стонавших горестно калек,
Которые во прахе извивались,
Лишившись вдруг привычных им подпорок.
Как опишу я бешеные рты,
Оскаленные, как у вепрей, зубы,
Сведенные животным страхом хари!
Как опишу я вопли, стоны, визги,

Хрипенье, крики бешеной толпы!
В сплошном том вое слов не разобрал я:
Казалось, все лишились дара речи.
«Хурай, ко мне!» – я попытался крикнуть.
Но тщетно. Не послушался язык,
Парализованный разрядом страшным.
О, как сравнялись все в толпе бегущей:
Ксендзы, банкиры, нищие, крестьяне,
Блудницы, дамы, бабы всех наречий,
Все в равно неприкрытой наготе,
И большинство – отвратно безобразны:
Иные – худобою изможденных,
Немытых, нездорово-белых тел,
Торчащих позвонков, ключиц и ребер;
Другие – дряблостью телес обвисших
И вздутостью огромных животов.
Как жалок вид изнеженных был женщин,
Ходить босыми вовсе не привыкших,
Что, балансируя и спотыкаясь,
Накалывая ноги о колючки,
Тряся грудей и ягодиц жирами,
Беспомощно среди прочих ковыляли.
Ученых вид был тоже непригляден:
Лишившись неотъемлемых очков,
Глазами хлопая подслеповато,
Они толкались только бестолково
На тонких и трясущихся ногах,
Поросших, словно мохом, белой шерстью,
И падали под ноги пробежавших,
Стеная под пятой банкиров жирных.

Военные, лишившись эполет
И сабель, весь апломб свой потеряли,
И... «отступали в полном беспорядке».
Одни лишь загорелые спортсмены
Да с ними бронзовые дикари
Особой паники не проявляли
И мускулистыми руками зверски
Дорогу пробивали сквозь бегущих.
Средь всей толпы, охваченной безумьем
И вместе с тряпками одежд спаленных
Утратившей вконец людской свой облик,
Вновь превратившись в скопище безхвостых,
Беснующихся голых обезьян, –
Один лишь только образ усмотрел я,
Который возбудить мог состраданье,
Не омерзенье, как все остальные:
То образ матери был украинки,
Старавшейся ребенка успокоить...
Прижав его к высокой полной груди,
Окутав распустившейся косою,
С расширенными скорбными глазами,
Она его так бережно несла,
Являя средь орды питекантропов
Бессмертный образ: Mater dolorosa...²⁰
Но вот толпы паническое бегство
Еще стремительнее стало: дождь,
Ужасный, проливной кавказский ливень
Вдруг хлынул из разверзнувшихся хлябей.
А скоро к ливню примешался град,
Забарабанивший холодной дробью

По жирным прелестям почтенных леди,
По лысине ученых, по тонзурам
Святых аббатов, ужасом объятых,
Которые, неистово вопя,
Бросались к лесу, под защиту буков.
Избитый градом, чуть не сбитый с ног
Я поспешил с Хураем вверх по склону,
Таща с собой за руку украинку,
Чтобы найти приют в пещере нашей,
А заодно – подругу новой жизни.
Не тут-то было! Кучка черных негров
Нам прямо бросилась наперерез.
Гигантский негр, сложением боксер,
Обличьем – безобразная горилла,
Ударом кулака свалил Хурая
И с диким воплем ухватил меня
Железными ручищами за плечи.
Огромные, оскаленные зубы,
Похожие на клавиши рояля,
Впились мне в горло, и... я рухнул наземь...

.....
.....
.....
.....

«Хозяин, а хозяин! Будет спать!
Вставай, вставай, айда скорей в пещеру,
Ведь дождь идет, – промокнешь здесь насквозь.
Как можно только спать в грозу такую,
Что, кажется, проснется и покойник?»
Открыв глаза, я увидел лицо

Заботливое верного Хурая,
Склонившегося низко надо мной
И трясшего чувствительно за плечи.
Вскочив и потянувшись, я увидел,
Что небо затянулось черной тучей,
Окутавшей вершины Ачешбока,
И капли одиночные дождя
Уж падают, шурша листвою буков;
Раскаты грома грозно рокотали.
И только я, собравшись, смог укрыться
Под своды нависающие грота,
Куда Хурай успел уже убрать
Всю нашу кладь, запасы дров и даже
Ввести храпящую тревожно лошадь, –
Как хлынули с небес потоки ливня,
И градины запрыгали горохом.
Вдруг небо точно надвое расселось,
Сверкнула молния ужасным блеском,
И грянул потрясающий удар
Далеко раскатившегося грома,
А через несколько секунд раздался
Совсем недалеко зловещий грохот
Лавины камней, рухнувшей с обрыва
Нависшего над нами Ачешбока.
«Вот видишь? – тихо прошептал Хурай. –
Я говорил тебе – не надо было!..»
И покосился он на свод пещеры.
.....
Весь день сидели мы вдвоем с черкесом
У пламени трещащего костра

И грели руки, что порою стыли
В промозглой сырости, сменившей зной.
Мы снова пили чай, мы созерцали,
Как низко проносились облака,
Окутывая мглою кроны буков.
А дождь стоял стеною непроглядной
И монотонно, истово шумел...
И, греясь у костра, припоминал я
Мой необычный, мой зловещий сон.
Подбрасывая дров в Огонь, я думал:
«Так ты со мной, приятель мой старинный!
Тебя никто – ни Зевс, ни сам Даткал
Теперь уж у меня отнять не может.
Навек ты мой, меня ты не оставишь
И в темноте времен мой путь направишь».

3.V.1940. Горький

Дополнено:

13.III.1949. Одесса

ПРИМЕЧАНИЯ АВТОРА

¹ Ачешбок – двурогая вершина на северном Кавказе, высотой 8120 футов, в верховьях р. Шиши.

² Диц называли черкесы вершину близ Ачешбока, высотой 7861 м., которая на официальной карте носит название г. Трю.

³ Лагонаки – обширное плоскогорье в верховьях р. Цице, высотой около 6–7000 футов, на которое летом выгоняют скот казаки, армяне и черкесы Краснодарского края.

⁴ Чинар, иногда чинарь – так называют на Кавказе бук. В женском роде, как во времена Лермонтова, слово не употребляется.

⁵ Абадзехи – черкесское племя, населявшее северный склон Кавказского хребта в бассейне левых притоков Кубани.

⁶ Домбай – так называли горцы Кавказа выбитого там ныне зубра.

⁷ Легенда о Даткале, так как она сохранилась в фольклоре кубанских черкесов, была впервые обнародована бароном Федором Федоровичем Горнау, пробывшим два года в плену у абадзехов, в «Записках Кавказского офицера» (Русский вестник. 1864. кн. IX–XII).

⁸ Баговская – большая станица в 35 км к северо-востоку от Ачешбока.

⁹ В горах Кавказа, помимо простых светляков, крылатые самцы которых лишены светильника, отличающего бескрылых самок, есть светляки из рода *Luciola*, самцы которых светятся на лету. Рои таких крылатых «метеоров» в темную летнюю ночь представляют зрелище феерическое.

¹⁰ Сони – похожие на небольших белок грызуны, днем погружающиеся в сон, но весьма деятельные ночью.

¹¹ Наиболее древние остатки кострищ оставлены предком человека – синантропом, жившим в начале ледникового периода, в гюнц-миндельское межледниковье; сербский математик Миланкович на основании данных астрономии вычислил, что его начало было 545 тыс. лет тому назад, конец – 478 тысяч.

¹² «Неутомимый огонь он украл, издалека заметный. Спрятавши в нарфексе полон». Гесиод, Теогония, стих. 566. Нарфекс – болиголов.

¹³ *Descendunt velanti que caput tunicasque recingunt, et jussos lapides sua post vestigia mittunt.... missa viri manibus*

faciem traxere virorum et de femineo reparata est femina jactu.
Овидий. «Метаморфозы». Кн. I. Ст. 398 и ниже.

¹⁴ Миндельское оледенение, сменившее теплое гюнцминдельское межледниковье, длилось 49 тысяч лет и размерами ледникового покрова уступало только максимальному Рисскому, наступившему 258 тысяч лет тому назад.

¹⁵ Изобразительные искусства начали играть роль в жизни первобытного человека ориньянской культуры лишь в конце последнего, Вюрмского оледенения, т.е. 50–20 тысяч лет тому назад. К этому времени относятся изображения мамонтов и иных животных в гротах Дордони.

¹⁶ «Речь дана человеку, чтобы скрывать свои мысли». Талейран.

¹⁷ Шашель – ходы мелких жучков из рода *Anobium*, истачивающих мебель до такой степени, что она в конце концов разваливается.

¹⁸ У самцов одичавших свиней клыки по своему развитию снова приближаются к страшным клыкам прародителя домашней свиньи – дикого вепря.

¹⁹ «11 августа 1855г. на дороге около Вальруа один прохожий был повален и раздет молнией... придя в себя после этого приключения, он был очень удивлен, что лежит совсем голый, и жаловался на холод. Несмотря на некоторые повреждения, он остался жив». *C. Flammarion, L'Atmosphère.*

²⁰ *Mater dolorosa* – Скорбящая мать; один из излюбленных сюжетов религиозной живописи позднего средневековья и Возрождения.

ДОПОЛНЕНИЕ

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ И.И. ПУЗАНОВА О М.А. ВОЛОШИНЕ¹

В январе 1919 года в Севастополе проходил 2-й съезд Таврической научной ассоциации. Ивану Ивановичу Пузанову, как председателю комиссии по Крымскому Заповеднику, было поручено прочтение доклада по охране природы в мировом масштабе. «В перерыве, – вспоминает И.И. в своих мемуарах, – я заметил в коридоре незнакомую мне фигуру коренастого человека в зеленом альпийском костюме, в длинных чулках, с огромной копной седовато-рыжих волос на львиной голове. “Поэт Максимилиан Волошин”, – шепнул мне один из севастопольцев. Это была моя первая встреча с М.А. Волошиным».

* * *

Осенью 1920 года, уже будучи штатным доцентом агрономического факультета Таврического Университета, Иван Иванович писал: «Из событий, приключившихся в первые дни моего пребывания в

¹ Рукопись мемуаров И.И. Пузанова хранится в архиве семьи Пузановых. Подбор отрывков, посвященных общению И.И. Пузанова с М.А. Волошиным, и краткий комментарий подготовлен наследниками.

Симферополе, мне ярко запомнилась моя встреча с поэтом Волошиным, поэзию которого я знал лишь понаслышке да по исполнению двух его стихотворений на университетском вечере Н. Н. Кедровым.

Самого Волошина я как-то мельком видел в Севастополе, в 1919 году.

Однажды меня уведомили, что на квартире проф. В.И. Вернадского поэт Волошин будет читать свои стихи. В условленный час я уже был у Вернадского и занял место в углу, среди других любителей поэзии. И вот он вошел, ведомый под руку В.И. Вернадским – кряжистый, среднего роста мужчина, с копной рыжих с проседью волос на голове, окаймляющей простое мужицкое лицо с глубоко запавшими голубыми глазками, мудрыми и пронизательными. Встав в углу комнаты, у окна, Волошин начал. Читал он много – помимо уже известных мне «На вокзале» и «Неопалимая купина», он прочел «Северовосток», «Китеж», «Дикое поле» и другие свои произведения периода гражданской войны, ставшие впоследствии знаменитыми. Читал он, конечно, на память – как-то по-особенному, по-Волошински – просто, но энергично. Все слушали с напряженным вниманием. Во время небольшого перерыва, когда Волошин захотел несколько отдохнуть, вдруг высочил и я, толкаемый бесом публичных выступлений. «Когда Шаляпин ездит по городам со своими концертами, он берет с собой какого-нибудь подголоска, обычно теноришку, для заполнения пауз отдыха и для контраста. Разрешите мне быть таким теноришкой». И я прочел

свою переделку известной баллады А.К. Толстого «Змей-Тугарин». Текст этой переделки мной утерян и забыт, о чем я не жалею, ибо она была неудачна. Особого успеха я, разумеется, не имел. Вечер стихов Волошина создал ему многочисленных поклонников среди университетской молодежи. Из профессоров таковыми давно были А.А. Байков с супругой, как-то проводшие лето в Коктебеле – если не ошибаюсь – в 1918, а может быть, и в 1919 году».

Следующая встреча с Волошиным произошла у Ивана Ивановича в 1922 году, когда он, будучи по делам в Симферополе, навестил своих старых друзей. «У Байковых я встретил поэта М.А. Волошина, привезшего много новых стихов. За чаем разгорелся спор о том, какая культура больше дала человечеству – немецкая или французская. Как выученик немцев, я защищал культуру Шиллера, Гете. Волошин, поддерживаемый А.А. Байковым, с уверенной улыбкой защищал французов. Когда я аргументировал немецкой эрудицией и основательностью, мои противники указывали мне, что и у немцев не было таких изумительных эрудитов, как Литтре – филолог и философ-позитивист, создавший замечательный словарь французского языка. Как часто бывает, каждый остался при своем мнении. Лишь много позже, познакомившись с изумительной французской литературой, я убедился, что Волошин и Байков во многом были правы. Зайдя на другой день, я получил от Анны Дмитриевны Гладковой списки новых стихов Волошина и сделался фанатическим во-

лошинистом. За остаток лета я выучил большинство стихов наизусть».

В середине 1925 года И.И. Пузанов со своей женой совершили большой интересный поход в Восточный Крым. «Прибыв в Феодосию и осмотрев галерею Айвазовского, далее решили проехать неинтересный кусок маршрута от Феодосии до Коктебеля на нанятой одноконной линейке, которая доставила нас в Коктебель уже после полудня. На следующее утро я сначала хотел навестить Макса Волошина, с которым достаточно хорошо познакомился в Симферополе у Вернадских и Байковых. Однако, встретив его на набережной, окруженного тесным роем поклонниц – я отказался от этого намерения: лицо поэта выражало такое доходившее до страдания утомление, что мне его просто стало жалко, и я решил отложить визит к нему до более благоприятного сезона, когда его не осаждают толпы неисчислимых поклонниц, почитателей, друзей или просто – любопытных. Но как же изменился он за три истекшие года после нашей последней встречи в 1922 году. Он страшно растолстел и обрюзг, так что традиционный наряд его – греческий хитон и обруч, стягивавший пышную шевелюру, – совсем не подходил к его фигуре – фигуре скорее Силена, чем «Зевса Отриколийского»! Поэтому, встретив страдающего Волошина среди роя осаждавших его дев, мы, не подходя к нему, прямо взяли курс на Южный перевал Карадага».

Летом 1931 года Иван Иванович Пузанов навестил Максимилиана Волошина на его даче в Коктебеле.

Вот как И.И. об этом вспоминает: «...с трепетом сердечным отправился с визитом к «Властителю моих дум», поэту Максимилиану Волошину, проживавшему в своей даче, названной им «Домом Поэта». Я имел основание явиться к Волошину отнюдь не в качестве любопытствующего туриста: во-первых, я познакомился с ним еще в годы Революции в Симферополе, дискутировал с ним и с профессором А.А. Байковым, защищая немецкую культуру от их натисков; наконец, я стал известен в Крыму как знаток и декламатор его стихов, что было ему, конечно, известно, особенно от гостившей у него в 1928 году четы Шенгели. Неудивительно, что Волошин встретил меня весьма любезно с возгласом: «А, Иван Иванович! Милости прошу». Весь остаток дня я провел в его обществе – сначала он повел меня наверх, в «мастерскую», и показал свои акварели. Когда зашел разговор о поэзии, я признался, что из современных поэтов, отдавая должное Блоку, все же больше всего люблю созвучных мне Волошина и Гумилева. «Которые чуть не застрелили друг друга на дуэли», – напомнил мне Волошин уже известный мне факт.

Зная из замечательного стихотворения Волошина «Дом поэта», что «Мой дом убог и времена суровы», я, прежде чем постучаться к Волошину, плотно пообедал у рыбаков ухой из кефали и отказался принять участие в предложенном мне обеде, углубившись в осмотр изумительной библиотеки Волошина, о которой в упомянутом его стихотворении приведенная строка продолжается так:

Но полки книг возносятся стеной:
Здесь по ночам беседуют со мной
Мыслители, поэты, богословы.

Наиболее интимный, непринужденный разговор завязался у меня с Волошиным в столовой, за вечерним чаем, который разливала его вторая жена, Мария Степановна. Разговор шел, главным образом, о положении Крымского Пединститута, о его профессорах – Деревицком и в особенности о нашем общем друге Г.А. Шенгели. Находясь еще под впечатлением величественных руин Судакской крепости, я делился им с хозяевами. В заключение, когда хозяйка убрала стол, Волошин, по своему обыкновению, разложил кучу своих акварелей и предложил выбрать себе на память: «Ну хоть штуки три-четыре». Все предложенные акварели повторяли в различных вариантах один и тот же лейтмотив: выжженные холмы Коктебеля, грозные уступы и гребни Карадага, лазурный Коктебельский залив. Из скромности я отложил себе три акварели – конечно, из тех, которые мне больше всего понравились. «А почему же из этих вы ничего не возьмете? – несколько обеспокоенным тоном спросил Волошин, указывая на несколько в стороне лежащую стопку. – Возьмите, это же из моих последних!» Разумеется, я поспешил заменить один из взятых мною пейзажей, быстро взяв взамен него образчик творчества последних лет, и – сразу же с грустью понял все: и обеспокоенный тон Волошина, и причину, почему я при первоначальном осмотре

обошел произведения, как оказалось, последних лет: все они, в частности взятый мною образчик, сохраняя тот же стиль, были заметно хуже остальных! И я вспомнил, что ведь в 1929 году Волошин перенес инсульт, правда, небольшой, но который, очевидно, надломил где-то в мозгу острие его творчества – как в области поэзии, так и в живописи. Я вспомнил, что ведь, создав в 1926 году последний свой шедевр, свою лебединую песнь – «Дом Поэта», Волошин не смог создать больше ничего достойного его таланта. Очевидно, эта же «поломка» отразилась и на качестве его акварелей, что он не мог не сознавать сам и переживал мучительно.

Гостеприимные хозяева уложили меня спать на верхнем балконе огромной мастерской, на топчане, над которым белела гипсовая маска Гоголя. Перед сном я попросил у Волошина дать мне почитать свои «Венки сонетов», «Lunaria» и «Corona Astralis», о которых много слышал, но сам не читал: «А вот они, в конце моего сборника “Иверни”, – сказал Волошин, снимая с полки небольшую книжку. К сожалению, самой книжки я вам дать не смогу – это последний экземпляр, но несколько стихотворений последнего периода подберу и дам завтра на прощание. А пока – спокойной ночи!» И я заснул – утомленный впечатлениями днями как бы убаюканный дивными созвучиями обоих «венков», особенно первого, «Lunaria».

Не могу сказать, чтобы я спал спокойно – наоборот, спал я тревожно и несколько раз просыпался

от шума моря, прибой которого разбивался тут же, под окном мастерской. Один раз, проснувшись, я долго не мог понять – где я и что это за бледный лик глядит на меня со стены? Но я заснул, осознав, что это лик Гоголя, я сплю в «дому поэта»... Все это я, возвратившись в Симферополь, пытался выразить в стихотворении «Наедине с морем».

В бескрайности зыбей, один, вдали от света,
Где небо надо мной вздымает лишь чертог,
Так близко даже там я лицезреть не мог
Твой, Море, грозный лик, как показало мне ты

Наедине с собой, в ночи, в Дому Поэта.
Все спало. Сонмы туч затмили лунный рог;
И вот не раз меня будил огромный вздох,
И просыпался я, шепча: «Где я? Кто это?»

Но, фолиантов ряд рукой нащупав вокруг
И вещей мертвый Лик во тьме узнавши вдруг,
Где я и как попал – все вспоминал я вскоре.

Я знал, кто дышит так в отворенную дверь,
Кто, Страшный, рядом спит, как утомленный зверь,
И, засыпая вновь, шептал я: «Это – МОРЕ».

Встал я рано, чуть солнце встало. Еще с вечера я простился с хозяевами, сказав, что поднимусь чуть свет, чтобы успеть дотопать в Феодосию до отхода поезда на Симферополь. «Ну я вас провожу немного, – сказал Волошин, – я ведь тоже встану с рассветом». Перед выходом из «Дома Поэта» Волошин вручил мне

копии нескольких стихотворений, собственноручно отстуканных им на машинке.

Находясь под впечатлением прочитанных на ночь венков сонетов, я любопытствовал – сколько времени отняло у Волошина создание каждого такого «венка», как известно, состоящего из 14 сонетов плюс один – суммирующий, составленный из начальных строк каждого сонета. «Ровным счетом две недели, – отвечал поэт, – по сонету в день. Заключительного сонета «Лунарии» я не считаю, им было мое старое стихотворение, посвященное К. Бальмонту».

Все это я намотал себе на ус, решив использовать при окончательной шлифовке венка сонетов «Крым», над которым начал работать. На прощанье мы поспорили с Волошиным относительно возлюбленного им Коктебельского ландшафта. «Все-таки, Максимилиан Александрович, – сказал я, – могучие сосновые боры и буковые леса, одевающие горы и холмы Западного Крыма или настоящей Тавриды, импонируют мне больше, чем голые холмы вашей Киммерии!» – «Очевидно, вам больше нравится женщина, закутанная в покрывало, чем нагая Афродита?» – иронически спросил Волошин. Я только собрался ответить ему, что поэт Волошин, подобно Отриколийскому Зевсу, увенчанный своей повязанной золотым обручем шевелюрой, импонирует мне больше, чем импонирует бы он, если бы обрить его наголо, – но подошла какая-то знакомая, которая и прервала наш разговор. Нам оставалось проститься. «Будете в наших местах, заглядывайте!» – махал мне вслед рукой Волошин.

«Обязательно, Максимилиан Александрович, но не раньше, чем будущим летом!» – отвечал я ему... Простившись, я быстро зашагал по шоссе в сторону Феодосии».

В 1932 году Иван Иванович отдыхал с семьей в Профессорском уголке (теперь – Рабочий Уголок, близ Алушты); «Как ни приятна и полна была наша жизнь в Профессорском уголке – она омрачилась печальным событием, о котором мы узнали из газет: 11 августа в Коктебеле скончался Максимилиан Волошин. Известие это как громом поразило меня – ведь я намеревался, отвезя семью в Симферополь, – а может быть и раньше, – навестить его по примеру предшествующего года! Из писем друзей, присутствовавших при его кончине, я узнал, что она была вызвана воспалением легких, поразившим и сердце, как это часто бывает у пожилых людей, организм которых ослаблен патологическим ожирением, которым уже в 1925 году страдал Волошин. А воспаление легких поэт схватил по самому пустячному поводу: он принял теплую ванну и, не вполне остывнув, сидел на своей террасе, на ветру. Из письма преданной ему женщины, присутствовавшей при его смерти, я знаю, что в последние минуты лицо его выражало неподдельный ужас. Согласно его завещанию, он был похоронен на высоком холме Бюк Янышары. На похороны с разных концов Крыма съехалось более 500 человек. Так как взвезти гроб на довольно крутой холм на грузовике или подводе оказалось невозможным, в конце скорбного пути его несли на руках. Над могилой был

насыпал овальный холм, нечто вроде клумбы, который был обильно украшен цветами, – а впоследствии выложен разноцветной галькой. Обстоятельства до сих пор не позволили заменить этот холмик хотя бы скромной могильной плитой с именем похороненного. Лишь через 14 лет мне удалось навестить Коктебель, найти приют в Доме Поэта и украсить новым камешком его могилу. Привожу здесь стихи, написанные после этого посещения.

МОГИЛА ПОЭТА

На берегу Киммерии спаленной,
У края солонцов, глухих пустынь –
Есть холм крутой, высоко вознесенный,
За тем холмом безгранна моря синь.

Там спит Поэт, друзьями погребенный.
Поднявшись, взор свой на могилу кинь:
Над ней – как храм, шатер небес бездонный,
Чабрец ее украсил и польнь.

Внизу на побережье, в Коктебеле
Творил Поэт, стремясь к высокой цели,
И там же смертный свой обрел конец.

Но в памяти грядущих поколений
Он будет жить. Преклоним же колени:
Здесь праведник покоится. Мудрец.

15.IX.1946

Кападаг

ПЛОДЫ ПОЗДНЕЙ ЗРЕЛОСТИ

Лучшие плоды созревают поздно,
к октябрю, не раньше!..

Сергей Шервинский

Иван Иванович Пузанов – еще один поэт, возвращающийся в литературу XXI века почти из небытия. Хотя он и был другом многих значительных поэтов эпохи – Максимилиана Волошина, Георгия Шенгели, Всеволода Рождественского, – но даже как поэт-переводчик в советское время он мог печататься лишь от случая к случаю.

Он родился 12 (24) апреля 1885 года в Курске в семье купца второй гильдии, мецената сценического искусства Ивана Васильевича Пузанова. Отец не только был организатором Курского общества любителей драматических искусств, но и сам нередко выступал на сцене.

Наиболее ранние стихотворения Ивана Ивановича датируются 1902 годом. Однако должно было пройти еще тридцать лет, чтобы стихи гимназиста, позднее дилетанта (о чем он сам пишет в воспоминаниях о Волошине) стали чем-то большим. Именно встреча и довольно близкое знакомство с Поэтом Коктебеля (в чьем доме Пузанов ночевал и где получил главный на всю свою жизнь урок того, «как писать стихи») позволила раскрыться творческому потенциалу Пузанова, и еще тридцать лет он провел, создавая произведения, которые уже нельзя изъять из истории русской поэзии. Будучи ровесником лучших поэтов Серебряного Века, он раскрылся лишь в 1930-е годы, 1932-м годом датирован его венок сонетов «Крым», 1951-м – венок сонетов «Вселенная», а между ними, в 1939–1940 гг., Пузанов создал, вероятно, «главное» свое произведение – поразительную, не имеющую близких аналогий в русской поэзии поэму

«Даткал». Таким образом, именно сталинское время стало временем озарения для Пузанова: тот, кто не ждет публикации, не боится и цензуры, в его душе наступает торжество свободы. О том, как учился буквально со слов Волошина писать венки сонетов, Пузанов рассказывает в своих воспоминаниях, которые читатель найдет в этом издании. О том, как пришла ему в голову идея создать «Даткал», можно лишь догадываться.

Древняя история Северного Кавказа по сути дела прошла мимо русской поэзии. Вот что пишет Е.А. Тахо-Годи в статье «Поэт под инженерным кэпи», посвященной единственному предшественнику Пузанова в этой области, поэту Сергею Аргашеву (псевдоним Сергея Петровича Семенова, 1902–1985): «В 1924 г. в Москве под эгидой Всесоюзной научной ассоциации востоковедения вышла тиражом 2000 экземпляров книга стихов Сергея Аргашева “Парида” с предисловием Валерия Брюсова». Забегая вперед, надо сказать, что для Аргашева эта книга так и осталась единственной. Книга эта посвящена, по сути дела, одной теме – древностям Северного Кавказа. Интерес к этой теме внушил юному поэту более других его шурин – Алибек Тахо-Годи (1897–1932). Е.А. Тахо-Годи цитирует предисловие С. Семенова-Аргашева к поэме «Парида»: «Русские поэты, воспевая Кавказ, обошли Дагестан молчанием. Лермонтов, Марлинский и Фет уделили внимание только Дагестану прошлого столетия. О древнем же Кавказе не сказал своего слова никто; а между тем именно эта эра в истории кавказских племен наиболее интересна для изучения, особенно в той части, которая касается сердца Кавказа – Дагестана – страны гор, с населением, томящимся в каменном мешке более тысячи лет <...>» (Е. Тахо-Годи. Великие и безвестные, СПб, 2008. С. 634).

Трудно сказать, была ли известна книга С. Семенова-Аргашева И.И. Пузанову, – скорее нет, чем да. Но именно не имевший никаких шансов на публикацию своего «Даткала»,

даже друзьями числившийся дилетантом И.И. Пузанов через полтора десятилетия неожиданно восполняет – и как! – тот пробел, на который сетовали и Семенов, и Брюсов. Попавший в плен к ныне малоизвестной части племени адыгов – к абадзехам (которых и в конце XIX веке оставалось не более пяти тысяч), русский ученый барон Федор Федорович Торнау (Торнов, 1810–1890) провел среди них два года, а после освобождения опубликовал ряд работ, не оцененных по сей день. Одной из них была именно попавшая в его «Записки русского офицера» «легенда о Даткале» (1864) – в том виде, в каком она сохранилась среди кубанских черкесов. Если упростить сюжет поэмы до предела, то она описывает явление современным кавказцам их мифологического героя, даровавшего им огонь, Даткала – следовательно, *Прометей*. Трудно сказать, почему именно в 1939–1940 году Пузанов взялся за эту тему. Но для нас это не важно – важна сама поэма, впервые видящая свет через семьдесят лет после своего создания. Она действительно во многом столь же важна для русской культуры, как «Мцыри». Думается, что и не только для русской... но прогнозов строить не хочу. Констатирую лишь, что лучшее время творчества И.И. Пузанова пришлось на самые страшные в истории нашей страны годы – с начала 1930-х по начало 1950-х.

Теперь, вероятно, нужно от поэтической биографии И.И. Пузанова перейти к его биографии научной, да и просто немного рассказать о его жизни.

В 1904 году, после окончания Курской классической гимназии, Иван Пузанов поступил на естественное отделение физико-математического факультета Московского университета. В 1906–1907 гг. он совершенствует свое образование за границей в Гейдельбергском и Лейпцигском университетах. Вернувшись в МГУ, Пузанов специализируется по зоологии, работает сначала в лаборатории Н.Ю. Зографа, а затем у М.А. Мензбира – основателя русской орнитологии.

Для Пузанова, судя по всему, это знакомство стало решающим в его научной деятельности (так же, как и знакомство с Волошиным – в поэзии). В 1909 г. заведующий Севастопольской биологической станцией С.А. Зернов приглашает его принять участие в экспедиции по Черному морю на пароходе «Меотида». В следующем году И.И. Пузанов путешествует по берегам Красного моря и Голубого Нила. Короче говоря, экзотика, много раз появляющаяся у Пузанова в стихах, была для него тем, что он видел своими глазами. Он отправился в длительное путешествие по Кавказу, а затем, по командировке Московского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, совершил путешествие вокруг Азии, посетил Японию, Цейлон. Собранные ценные коллекции ученый передал Академии наук. «Впечатлений от этой поездки у меня хватит на всю последующую мою жизнь», – так закончил Пузанов книгу «Вокруг Азии».

В 1911 году Иван Пузанов закончил Московский университет. Ему светила неплохая карьера, но в знак солидарности со своим учителем М.А. Мензбиром, который был уволен по распоряжению министра Кассо, он отказывается остаться в университете. Вместо этого устраивается в основанную Мензбиром биологическую лабораторию при Московском обществе испытателей природы.

В 1914–1915 гг. Иван Иванович проходит подготовку к профессорскому званию у А.Н. Северцова. В это время он знакомится с естественно-историческими музеями, зоопарками, биостанциями многих городов Западной Европы. После возвращения в Москву Пузанова избирают членом ученого совета Московского зоосада. По предложению А.Н. Северцова в конце 1915 г. его оставляют при Московском университете. Однако война перечеркивает все планы. Пузанова призывают в армию и зачисляют ученым-синоптиком на Черноморскую военно-метеорологическую станцию в Севастополе.

К охране природы, как вспоминает Иван Иванович, он был привлечен руководителем Крымского краевого правительства Соломоном Крымом. (Заметим, никаких «красных» в Крыму в это время еще почти не было.) В январе 1918 года Пузанов выступал на III и IV съездах объединенного комитета научных учреждений и обществ Таврической губернии и добился создания комиссии по делам Крымского заповедника, а также расширения и уточнения его территории. В итоге 10 марта 1919 г. Совет Министров Крымского краевого правительства издал декрет об учреждении Крымского заповедника на месте бывшей царской охоты, в разработке которого принимал участие ученый. В 1918 г. отступающие красные чуть было не расстреляли И.И. Пузанова, приняв его за белого офицера.

До 1933 года жизнь И.И. Пузанова неразрывно была связана с Крымом. Он открыл и описал одно из чудес природы – Большой каньон Крыма. Пузанов одним из первых – в 1920-х годах поднимает вопрос о создании заповедника «Мыс Мартьян», что осуществилось лишь в 1973 г.

С 1927 по 1928 гг. Пузанов заведует научной станцией в Крымском заповеднике. Под его руководством был организован музей заповедника. С 1926 по 1931 гг. Пузанов – председатель и редактор научных трудов Крымского общества естествоиспытателей и любителей природы, с ноября 1924 г. – организатор и руководитель его природоохранной комиссии. Крымское общество естествоиспытателей и любителей природы просуществовало до 18 января 1931 г. До этого времени оно успело добиться расширения Крымского заповедника, отстояло от вырубki Массандровский и Артековский парки, издало несколько природоохранных книг и брошюр, разработало список редких животных и растений. Но... слишком велик становился авторитет ученого. И в 1933 году он был вынужден покинуть Крым – место, где он родился как поэт.

Пузанов переезжает в Горький и возглавляет кафедру зоологии позвоночных университета. Здесь он работает до 1947 г., активно занимаясь научной и литературной деятельностью. Выходят в свет его книги «Жизнь животных», «Учебник зоогеографии», перевод «Тропической природы» А. Уоллеса и др. В начале 1935 г. открывается Горьковский филиал ВООП, его председателем избирают Пузанова. В 1939 г. он становится членом ученого совета Главного управления по заповедникам, делает проверки Лапландского, Крымского, Кавказского и Астраханского заповедников. В 1938 г. ВАК утверждает Пузанова в звании доктора биологических наук без защиты диссертации.

В 1947 г. Пузанов получает приглашение занять освободившуюся кафедру зоологии позвоночных Одесского университета, где и работает до конца своих дней. В июне 1955 г. И.И. Пузанов становится членом комиссии по охране природы АН УССР.

С 1953 г. Иван Иванович одним из первых в СССР начинает читать в университете курс лекций по охране природы. Лекции эти, к сожалению неизданные, и по сей день представляют очень поучительный материал, написанный честно и принципиально, с критикой действий правительства. Пузанов писал во введении (1965): «Автор сам в своих литературных и словесных высказываниях отнюдь не принадлежит к числу “лакировщиков”, в близком же его сердцу деле охраны природы – в особенности. Если бы в этой области, и мировом масштабе вообще, а в нашей стране в частности, все обстояло так уж благополучно, то ведь не было бы и нужды в книгах, подобных этой!»

Оставшаяся часть жизни профессора Пузанова была, увы, заполнена борьбой с «лысенковщиной», чему посвящены многие его издевательские стихи (т.н. «Трофимиана»). Сами по себе небезынтересные и для истории науки, и даже для поэзии, пока они остаются за рамками первого

томика стихотворений Пузанова. Составленный незадолго до смерти автором итоговый сборник его стихотворений «Талипот» вместил в себя стихотворения за 1902–1969 годы, но в книгу, которую держит сейчас в руках читатель, вошло менее трети «самиздатского» «Талипота». Нечего говорить и о том, что не поместились сюда и его многочисленные переводы с английского (Байрон, Лонгфелло) и французского (Гюго, Леконт де Лиль). Кстати, по имеющимся данным Пузанов перевел чуть ли не весь объем эпистолярного и поэтического наследия великого французского парнасца Леконта де Лиля, но... как раз эта часть наследия не сохранилась в архиве семьи по ряду обстоятельств.

Умер Иван Иванович Пузанов в Одессе 22 января 1971 года. Хотелось бы верить, что и в Курске, и в Крыму, и в Нижнем Новгороде, и в Одессе, и в Москве вспомнят человека, разделившего свою жизнь между двумя негаснущими факелами – Природой и Поэзией. Еще один поэт Серебряного Века приходит из небытия на книжные полки.

Евгений Витковский

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Талипот</i>	5
Крым (<i>Венок сонетов</i>).....	6
Вселенная (<i>Венок сонетов</i>).....	17
Завещание	28
Коктебель.....	36
Mare Nostrum.....	37
Стулия имени Айседоры Дункан	38
Послание Всеволоду Рождественскому.....	39
Ледостав	41
Разлив	42
Додумались (<i>Звездная фантасмагория</i>).....	43
Наследие Икара	58
Новая война.....	59
Преемник Чингис-Хана	60
Ленинград	63
Противостояние	64
Приговор слез	66
Кавказские сонеты	
1. Черкес	67
2. Батум	67
3. Поти	68
4. Палеостом	69
5. «Ты помнишь – море, ночь?.. Норд-ост суровый...»	70
Глаза.....	71
Четверть столетия.....	75

Казнь	81
Подсознание	82
Красота, что уходит из мира	84
Даткал. <i>Поэма</i>	90

ДОПОЛНЕНИЕ

Из воспоминаний И.И. Пузанова о М.А. Волошине	132
<i>Е. Витковский</i> . Плоды поздней зрелости	143

Пузанов И.И.

П88 Талипот: Стихотворения. – М.: Водолей, 2011. – 160 с.
(Малый Серебряный век).

ISBN 978–5–91763–069–4

И.И. Пузанов (1885, Курск – 1971, Одесса), один из крупнейших зоогеографов советского времени, в литературе всегда оставался скорее ученым, чем поэтом, – его стихи лишь эпизодически появлялись в периодической печати. Как переводчику, И. Пузанову принадлежит перевод практически полного свода поэтических и критических произведений Ле-конта де Лиля, но эта работа осталась неизвестной читателю. В книгу вошли избранные стихотворения, поэма «Даткал» и фрагменты воспоминаний о М.А. Волошине.

ББК 84(2Рос=Рус)6
УДК 882

Пузанов Иван Иванович

Талипот
Стихотворения

Литературно-художественное издание

Технический редактор А. Ильина
Корректор Н. Федотова

Подписано в печать 22.04.11. Формат 60х90/32
Бумага офсетная. Гарнитура Баскервиль. Печать офсетная.
Печ. л. 5. Тираж 100 экз. Заказ №

Издательство «Водолей»
127254, г. Москва, ул. Гончарова, 17-А, кор. 2, к. 23
E-mail: info@vodoleybooks.ru
Официальный сайт: <http://www.vodoleybooks.ru>

Отпечатано в ордена Трудового Красного Знамени
типографии им. Скворцова-Степанова
ФГУП Издательство «Известия» Управления делами Президента
Российской Федерации
Генеральный директор **Э.А. Галумов**
127994, ГСП-4, г. Москва, К-6, Пушкинская пл., д.5.
Контактные телефоны: 694-36-36, 694-30-20
e-mail: izd.izv@ru.net

9 785917 630694

МАЛЫЙ СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК

В СЕРИИ ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

Ещин Л. Е. Собрание стихотворений.
2005. – 80 с.

Эйснер А. В. Человек начинается с
горя. 2005. – 72 с.

Дураков А. П. Один из солнечных
лучей. 2005. – 80 с.

Манухина Н. Л. Смерти неподвластна
лишь любовь. 2006. – 80 с.

Эйгес Е. Р. Тихий шелест стихов:
Стихотворения. 2006. – 80 с.

Кржижановский С. Д. Книжная душа.
2007. – 88 с.

Щировский В. Е. Танец души: Стихо-
творения и поэмы. 2007. – 136 с.

Сабуров А. А. Будем с верою радости
ждать: Стихотворения. 2007. – 80 с.

Штих А. Л. Истлевших лет живые
сны. 2008. – 128 с.

МАЛЫЙ СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК

В СЕРИИ ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

Нейштадт В. И. Пейзаж с человеком: Стихи и воспоминания. 2008. – 128 с.

Владимир Ильич Нейштадт (1898–1959) известен любителям поэзии как переводчик с немецкого. Однако всю жизнь он писал стихи, которые не публиковались после 1930-х годов, а в 1950-е создал и автобиографию, которая почти 60 лет пролежала в архиве. Книга представляет читателю В. И. Нейштадта – поэта и мемуариста.

Кискевич Е. М. Ноктюрн душе: Стихотворения. – 2008. – 128 с.

Е. Кискевич (1891–1945) в эмиграции оставался практически безвестен. Его творческое наследие – два тонких сборника и несколько стихотворений в альманахах «Зодчий» и «Литературная среда». Во время Второй мировой войны Кискевич остался в Белграде и был расстрелян без суда и следствия при вступлении советских войск в столицу Югославии.

Настоящее издание включает всё сохранившееся поэтическое наследие Евгения Кискевича.

МАЛЫЙ СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК

В СЕРИИ ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

Феррари Е. К. Эрифилли. – 2009. – 80 с.

Елена Феррари (О. Ф. Голубовская, 1889–1938), выступившая в 1923 году с воспроизводимым здесь поэтическим сборником «Эрифилли», была заметной фигурой «русского Берлина» в период его бурного расцвета. Ее литературные дебюты вызвали горячий интерес М. Горького и В. Шкловского. Участие в собраниях Дома Искусств сделало Елену Феррари одной из самых активных фигур русской литературной и художественной жизни в Берлине накануне ее неожиданного возвращения в советскую Россию в 1923 г. Послесловие Л. С. Флейшмана «Поэтесса-террористка», раскрывая историко-литературное значение поэтической деятельности Елены Феррари, бросает свет также на «теневые», малоизвестные обстоятельства ее загадочной биографии.

МАЛЫЙ СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК

В СЕРИИ ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

Штих М. Л. Зарытый в глушь немых годин: Стихотворения 1917–1922 гг. – 2009. – 96 с.

Михаил Штих (1898–1980) – профессиональный журналист, младший брат Александра Штиха, близкого друга Бориса Пастернака. В юности готовился к карьере скрипача, однако жизнь и превратности Гражданской войны распорядились иначе. С детства страстно любил поэзию, чему в большой степени способствовало окружение и интересы старшего брата. Период собственного поэтического творчества М. Штиха краток: он начал сочинять в 18 лет и закончил в 24. Его стихи носят характер исповедальной лирики и никогда не предназначались для публикации. Однако, несмотря на юность автора, они талантливы и самобытны, и представляют несомненный интерес как для специалистов – исследователей поэзии начала XX века, так и для широкого круга любителей русской словесности. Стихотворения М.Л. Штиха публикуются по документам, хранящимся в личном архиве С.В. Смолицкого.

МАЛЫЙ СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК

В СЕРИИ ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

Бем И. А. Орфей: Стихотворения. 2010. – 96 с.

Поэтесса Ирина Бем (1916–1981), дочь литературоведа и философа А. Л. Бема, в эмиграции оказалась с 1919 года: сперва в Белграде, затем в Варшаве и с 1922 года – в Праге. Входила в пражский «Скит поэтов», которым руководил ее отец. В 1943 году в Праге нетипографским способом вышел единственный ее поэтический сборник – «Орфей». После гибели отца переехала в Восточную Чехию, преподавала французский и латынь.

Настоящее издание составили стихи и переводы из авторского собрания «Стихи разных лет. Прага 1936–1969» (машинопись). Больше половины из них публикуется впервые. В книгу также вошли письма А. Тесковой, В. Морковина, Е. Кист к И. Бем.

МАЛЫЙ СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК

В СЕРИИ ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

Ланн Е. Л. Негоїса: Стихотворения. 2010. – 128 с.

Евгений Ланн – самобытный поэт, проницательный литературовед, незаурядная личность, чье дарование было высоко оценено М. Волошиным, М. Цветаевой и многими другими. Ныне вспоминают разве что переводы Ланна – и едва ли заслуженно приводят их в качестве примера крайнего буквализма. В настоящее издание вошли единственный сборник стихотворений Ланна «Негоїса», не изданный при жизни автора, стихотворения разных лет, не вошедшие в «Негоїса», и поэтические переводы.

Давыдов З. С. Ветер: Стихотворения. 2011. – 88 с.

Исторический романист Зиновий Самойлович Давыдов (1892–1958) начинал свой путь как поэт, последователь символистов и акмеистов. В 1919 году, в Чернигове вышла в свет его дебютная и единственная книга стихов «Ветер», которую в настоящем издании мы перепечатываем полностью. Книга дополнена никогда не публиковавшимися стихами Давыдова.

**Книги серии «Малый Серебряный век»
издательства «Водолей»
можно приобрести в следующих магазинах Москвы:**

Галерея книги «НИНА»
Москва, ул. Бахрушина, 28
тел. (495) 959-21-03. (495) 959-20-94

Книжный магазин «Русское зарубежье»
109240, Москва, ул. Н.Радищевская, 2
тел. (495) 915-00-83, (495) 915-27-97

**Книжная лавка при Литературном институте
им А.М. Горького**
123104, Москва, Тверской б-р, 25
тел. (495) 694-01-98

Книжный магазин «Гилея»
Москва, Тверской б-р, 9
(помещение Московского музея современного искусства)
Тел. (495) 925-8166

Книжный магазин «Фаланстер»
109012, Москва, М. Гнезниковский пер., 12\27
тел. (495) 749-57-21

Оптовая торговля: ООО «КнАрт»
E-mail: knarttd@mail.ru тел. 8-916-119-67-20